

Сергей Малицкий

Сергей Малицкий
Легко (сборник)

«Автор»

2014

Малицкий С.

Легко (сборник) / С. Малицкий — «Автор», 2014

Фантастика, современная проза. Две повести, десять рассказов. Попытка зафиксировать время, которое скрылось за горизонтом. Сложное в простом. Повествование о том, что происходит, могло или не могло бы происходить. В качестве обложки использована картина «Полет», художник - Андрей Мещанов.

© Малицкий С., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Минус	5
01	5
02	6
03	7
04	9
05	10
06	11
07	13
08	14
09	17
10	19
11	21
12	22
13	24
14	26
15	29
16	33
17	37
18	40
19	42
20	44
21	47
22	50
23	53
24	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Малицкий

Легко

(сборник)

Минус

01

Странная квартира находится на нашем этаже. Каждый день разные люди приходят в эту квартиру и уходят из нее. Я могу узнать, по крайней мере, уже человек пять. Один из них – тщедушный мужчина лет тридцати с мешковатой фигурой, похожий на нищего опустившегося интеллигента. Другой – молодой франт, одетый по последней моде. Третий – накачанный уличный боец – «бык». Четвертый кажется случайно заблудившимся в нашем районе солидным бизнесменом. Пятый – более всего похож на сыщика или пройдоху. Иногда мелькают еще какие-то фигуры, но отчетливо я рассмотрел только пятерых. Они никогда не бывают вместе. Они приходят и уходят по одному.

Я смотрю в глазок и вижу того, кого встречаю чаще других. По-видимому, это хозяин. В застиранной рубашке и в трениках он выходит на площадку с ведром мусора и, шмыгая сандалиями, отправляется к мусорным бакам. Я всовываю ноги в дежурные кроссовки, хватаю ведро и вылетаю на площадку вслед за ним. Детское любопытство управляет мной. Я словно маленький ребенок, вместо того, чтобы наслаждаться подаренной игрушкой, пытаюсь ее сломать. Возможно лишь затем, чтобы узреть тайну обыкновенной металлической пружины и зубчатых колесиков.

Сталкиваюсь с женщиной в подъезде.

– Здравствуйте. Я из девятой квартиры. Вам не кажется, что пора вкрутить лампочку на этаже?

Он несколько секунд растерянно смотрит мне в глаза. Я успеваю разглядеть надорванный карман рубашки, стрелки на штанах, голубой шрам, змеящийся вниз из беловатой звездочки между ключиц. Сосед моргает, машинально поправляет волосы и пытается пройти мимо, бросаая в сторону неловкую фразу:

– Хорошо. Извините, что я с пустым ведром. Плохая примета. Я вкручу...

02

Я излишне любопытен? Может быть. Наверное, виной всему одиночество. Хотя я и не знаю ни одного человека, которому бы оно навредило. Одиночество – это богатство. Космос, который в твоём распоряжении. То, чего не отнять, и то, что никогда не изменит. Оно всегда рядом, где бы ты ни был, в пустыне, в лесу, в собственной квартире или в многолюдной толпе. Мое одиночество не безлюдно. Я слышу голоса людей, я знаю их по именам, они живут внутри меня, они часть моего одиночества. Они влюбляются, ссорятся, умирают и рождаются вновь. Единственное их отличие от остальных людей – способ существования. Буквы, слова, предложения, сохраненные на жестком диске компьютера и в моей голове. Именно для того, чтобы их невидимая никому жизнь не растворилась вместе со мной, я вновь включаю старенький «комп», вслушиваюсь в стрекотание «винта», открываю допотопный «ворд» и ставлю пальцы на желтые клавиши со стертыми буквами.

Мой принтер пачкает бумагу по краям, отпечатанные листки выползают из него с траурной каймой. Поэтому мне кажется, что принтер рождает тексты в муках, и от этого страдания, изображенные на листках, представляются чрезмерными, а шутки натужными. Я рву бумагу, ухожу в кухню, грею на газовой плите маленький противень с речным песком,двигаю в него чеканную армянскую турку с деревянной ручкой и тут же поднимаю ее вверх вместе с шапочкой кофейной пены. Иногда сто граммов реальности с запахом настоящего кофе просто необходимы для поддержания вымысла. Или все-таки водки?

03

– Хорошо. Извините, что я с пустым ведром. Плохая примета. Я вкручу...

– Почему же с пустым? – придержал я его за рукав. – Вовсе не с пустым.

Он проследил за моим взглядом, увидел прилипшую к стенке ведра фольгу, поморщился и обреченно поплелся обратно к бакам.

– Два пустых ведра – двойное несчастье? – спросил я его через плечо, когда мы поднимались по лестнице, и он плелся сзади, стараясь находиться вне пределов возможного обмена репликами. Сосед что-то буркнул, я остановился у двери, обернулся, чтобы проститься. Он посмотрел на мои ноги и, не поднимая глаз, сказал:

– Простите. Я не слишком общителен.

– Да я и сам... – начал я ответную фразу, но его дверь уже хлопнула. Я усмехнулся многообещающему началу приятного знакомства, достал с антресоли лампочку и, выйдя на площадку, вкрутил ее взамен перегоревшей. Мне хотелось, чтобы сосед наблюдал за мной в дверной глазок, но он, по всей видимости, решил не доставлять мне подобного удовольствия. За его дверью стояла тишина.

Я позвонил в восьмую квартиру. Дверь открыла Евдокия Ивановна. Она была старше меня лет на пятнадцать. Эта разница казалась мне пропастью. Судя по дружелюбию соседки, пропасти она не замечала.

– Евдокия Ивановна. Вам соседи не мешают? А то вчера опять кто-то часов до одиннадцати стенку сверлил. Это, случайно, не из двенадцатой квартиры?

– Из двенадцатой? – соседка задумалась. – Нет. Я бы услышала. Из двенадцатой – нет. У них ребенок маленький. Это, наверное, из соседнего подъезда. Там на нашем этаже на днях окна пластиковые вставили. Точно они. Ну, что ты будешь делать? Никакого уважения к людям!

– А сосед не беспокоит вас?

– Лешка-то? А чего ему беспокоить-то? Пьет он, наверное. Как въехал сюда год назад, так и пьет.

– Евдокия Ивановна, – удивился я. – Что же я тогда пьяным его никогда не видел?

– И я не видела. Так он аккуратно пьет, – убежденно затараторила соседка. – А ты чего думаешь? Вроде и не работает нигде, и друзья все к нему ходят. И воет он иногда ночами!

– Это как же? – удивился я уже по-настоящему.

– А как пьяные воют, – махнула рукой Евдокия Ивановна. – Я-то знаю. А то еще, бывает, и зубами скрипят.

– Так уж и скрипят?

– Скрипят, будьте уверены. Только про Лешку я врать не буду, Лешкиного скрипа не слышала, но воет точно. То утром, то вечером. Точно спьяну.

– А если не он это? – предположил я. – Ведь вы сами говорите, друзья к нему ходят?

– Нет, – задумалась Евдокия Ивановна. – Я сталкивалась тут в подъезде, вроде все культурные, чистенькие. Хотя, что они к нему повадились? Какой у них интерес-то?

– Может, он на дому работает?

– На дому-то? – Евдокия Ивановна насторожилась. – Это чего же он делает?

– Как я, например. Книжки пишет.

– Книжки? – Евдокия Ивановна покосилась на мои руки. – Кто же его книжки читать будет? Какой-то он несолидный для книжек-то.

– А если он «несолидные» книжки пишет? Да и книжки не из-за солидности автора читают. Опять же, может быть, он коллекционер? Собирает какие-нибудь древности, марки, наконец? Вот и люди к нему ходят культурные. Он вам мешает?

– Мне? – Евдокия Ивановна опешила.

Разбуженное в ней возмущение непутевым соседом требовало выхода. Пытаясь оценить нанесенный ей вред, она сдвинула брови и разозлилась еще больше.

– Мне? – переспросила Евдокия Ивановна. – Мне нет. Но ведь должен же быть порядок?!

– О каком порядке вы говорите, Евдокия Ивановна? – поддел я ее на «крючок». – Какой может быть порядок, если у нас дом тридцать лет без капитального ремонта? Порядок надо сначала наводить там! – показал я пальцем в направлении перпендикулярно вверх, отводя поток патристического негодования от таинственного соседа. Евдокия Ивановна проследила за движением пальца, набрала полную грудь воздуха и тут же разразилась обличительной и гневной речью, собираясь в критическом духе обозреть все последние события, начиная от действий правительства и заканчивая безответственностью работников жилищной конторы. «Минут на двадцать», – тоскливо подумал я, проклиная себя за необдуманный выбор информатора.

04

Работа не шла. Герои не торопились двигаться к назначенному финалу, отмалчивались, либо вели себя неестественно и натужно, вынуждая то и дело рвать распечатанные листки и гонять по экрану текст вверх или вниз. Примета была плохая. Значит, или они задумали выйти из игры, или их подлинная история была гораздо реальнее и интереснее выдуманной мною. В такие минуты стоило оставить персонажей в покое, дать им расслабиться и зажить естественной жизнью. Жаль только, что естественная жизнь побуждала их обходиться без душевных страданий, надуманных испытаний и бесконечных философских рассуждений. Но это я поправлю. Просто они еще не знают, что задумал автор на последующих страницах их истории.

Голова гудела. Кажется, я начинал понимать причины благосклонного отношения ко мне соседки. Я умел слушать. Она уложила в пятнадцать минут и удалилась, порядком ослабив мой интеллектуальный иммунитет.

Я печально посмотрел на маленький экран старого и ленивого электронного приятеля, сохранил текст и отправился на кухню, имитируя по дороге легкую оздоровительную гимнастику. В открытое окно заглядывало солнечным глазом московское лето. На жестяном оконном отливе балансировал толстый и глупый голубь. Внизу хлопнула дверь подъезда. Спугнув неопрятную птицу, я выглянул в окно и увидел уходящего через двор «быка». Слегка расставив руки и покачиваясь из стороны в сторону, как матрос кругосветки, он дошел до припавших у сквера автомобилей, открыл дверь чуть поцарапанного «пассата» и, не прогревая мотор, уехал. Я посмотрел на часы. Почти двенадцать. Что-то непостижимое происходило на моих глазах. Я вернулся в комнату, вытащил из принтера белый лист и начертил таблицу из четырех колонок. В первой колонке написал «Действующие лица» и перечислил всех пятерых, которых встречал несколько раз: Алексей, «бык», «сыщик», «бизнесмен», «франт». Во второй колонке написал: «новости» – и пометил, что сегодня видел Алексея, а в двенадцать часов дня из квартиры вышел «бык». В третьей колонке, которую я назвал «внешний мир», я написал слова: «бык», «франт», «сыщик» и «бизнесмен». Четвертую колонку я озаглавил «квартира» и добавил только одно слово – «Алексей». Мои герои отошли в сторону и замерли в тумане. Ничего. Я рассчитывал на этот туман. Он должен был постепенно сгуститься, конденсироваться и опуститься на мозговые извилины росой идей и разгадок. По крайней мере, раньше всегда происходило именно так.

Значит, пока я пытался завести с Алексеем разговор, в его квартире находился этот «бык»? Может быть, даже лежал в это время на постели и курил, сбрасывая пепел в чашечку из-под кофе? Хорошо еще, что в голове соседки не появились мысли о притоне мужчин неадекватного поведения. Точно бы уже бежала в жилищную контору или к участковому. Звонок в дверь прервал размышления. Я щелкнул замком и увидел в дверях встревоженную Евдокию Ивановну. Она втиснулась в узкий коридор, приложила палец к губам и прошипела:

– Слышь? А если Лешка этот... голубой? Ну, которые мужик с мужиком...

– Да что вы, Евдокия Ивановна? – успокоил я соседку. – Конечно, нет. Те и выглядят по-другому, и повадки у них другие. Юрист он, скорее всего. Только пьющий. Советы дает людям, помогает в чем-то. Или врач. Да не волнуйтесь вы так. Я сам все узнаю и вам расскажу. Хорошо?

05

Если когда-нибудь человечество встанет перед проблемой собственной идентификации, то есть отличия людей «натуральных» от «искусственных», оно с удивлением обнаружит, что каждая «натуральная» особь несет в себе определенное количество машинных черт. Не все наши действия контролируются сознанием. Порой нас подчиняют себе вовсе неведомые, но надежнейшие алгоритмы. Вы идете вечером из магазина домой и с удивлением обнаруживаете, что уже стоите у дверей собственной квартиры, но не помните, как прошли последние четыреста метров. Передвигаетесь по улицам города и не замечаете лиц людей, проходящих мимо. И они не замечают вас. Мы – машины. Олицетворенный безучастный вселенский конвейер человечества движется сквозь время. Поскрипывают совершенные сочленения, смазывающиеся суперсмазкой с исключительными присадками. Подрагивают окуляры с точнейшей наводкой на резкость. Бесшумно творит процессор с плавающей тактовой частотой. Перерабатываются тысячи видов топлива в камере внутреннего сгорания. Что еще? Может быть, не механизмы в будущем будут обеспокоены доказательством причастности к мыслящей субстанции, а именно люди вынуждены доказывать, что они являются людьми? Или категория «люди» имеет смысл только как обозначение более совершенных механизмов, созданных незримым создателем? Вы спросите: «А как же душа»? А никак. Всего лишь очень приличное программное обеспечение.

Я снова обреченно бросаю работу, предоставив героям самостоятельно разбираться друг с другом в файлах старого четырехгигабайтного диска и в моей подкорке неизвестного мне объема. Я мастерю на кухне нехитрый холостяцкий обед, используя в качестве основных продуктов питания холестерин, клетчатку, кофеин и целую пригоршню подозрительных «Е». Зажигаю спичку и загоняю в легкие по бронхам едкий дым. Смотрю в зеркало и вижу нечто, не подлежащее описанию из-за обреченной однозначности медицинских терминов. Мой затылок чешется, как чесался затылок у Ньютона перед падением на него яблока, но я стою не под яблоней, а под двумя этажами пятиэтажного дома, и моя голова не выдержит последствий подобного озарения. Я разжигаю костер гастрита в многострадальном желудке, заливаю его минеральной водой, бросаю в коридоре матрас на пол и ложусь головой к входной двери. В дверную щель сквозит запах распустившихся кошек. Изредка кто-то проходит, пробегает или прошаркивает по лестнице. Где-то устало тявкает насильно уединенная собака. Я слушаю. Я перестаю быть машиной для перегонки жизненной браги в литературный спирт. Я прихожу в себя после длительной и неконструктивной филологической спячки. Я кот, который сидит у заветной норки и прислушивается к шороху безмятежной мыши. Их уже несколько человек в этой квартире, или способность видеть и понимать покинула меня навсегда. Я жду.

06

Я пролежал на матрасе до вечера, понемногу заполняя таблицу. «Бык» вернулся примерно в два часа, открыл дверь своим ключом и скрылся в квартире. Выглянув в окно, я увидел его машину на старом месте. Примерно через час из квартиры вышел «бизнесмен» и, говоря с кем-то по сотовому, спустился во двор. Так вот кому принадлежит эта пузатая красная «Ауди». «Бизнесмен» выехал со двора, а я снова занял место в коридоре. Значит, все это время в квартире был и «бизнесмен»? Сейчас там «бык» и Алексей. «Бизнесмен» сдал дежурство? Осталось выяснить, где «франт» и «сыщик». Ожидание затянулось, и я подошел к книжной полке, чтобы в третий раз попытаться расплести склеивающегося в моей голове Кафку, но медитация сорвалась, потому что на площадке раздался шум. Кто-то вошел в квартиру. Я выглянул во двор и снова увидел «Ауди». «Пассат» тоже стоял на своем месте. «Бизнесмен» вернулся и, может быть, не один? Собираются все вместе?

Я вдруг подумал, что подобное ощущение нелепости и нереальности происходящего было у меня только один раз. Много лет назад, еще в юности, почти в детстве, когда я молодым солдатиком участвовал в ночном марше автомобильной колонны по каршинской степи. Глядя в окно из пытящего «шестидесят шестого», я видел, как над степью со стороны то ли Учкудука, то ли Байконура поднимается вверх светящаяся сфера, расплываясь и захватывая светлым куполом половину черного неба. Никто не мог ответить, что происходит. Никто не мог ответить, но никто и не спрашивал. Колонна упрямо двигалась, следуя назначенному ей маршруту. Я был подневольным очарованным созерцателем этого необъяснимого сполоха и оставался бы им, наверное, даже если бы на горизонте расцветали ядерные грибы.

Какой-то звук раздался из-за двери. Я прислушался, затем встал и, открыв дверь, подкрался к двери напротив. Нет. Это не было воем. Это не было ни стоном и ни воем. Это было гудение с закрытым ртом и стиснутыми зубами. Гудение, от которого начинают вибрировать барабанные перепонки. Щелкнула щеколда, я вздрогнул и увидел Евдокию Ивановну. Она высунула голову из-за двери и, приложив палец к губам, прошипела, заглушая таинственное гудение:

– А вы говорили, не воеет!

– Ничего такого я не говорил, – вполголоса, но с максимально возможной убедительностью ответил я соседке и сделал несколько быстрых шагов к своей двери. Едва я успел закрыть ее за собой, как дверь в седьмой квартире открылась, и оттуда показался «франт». Он огляделся по сторонам, почему-то закрыл за собой дверь ключом, снова обернулся и столкнулся взглядом с головой Евдокии Ивановны. Соседка искристо заулыбалась и нараспев приветствовала «франта»:

– Здравствуйте! Не знаю, как звать величать вас? Я смотрю, что вы частенько к Алексею навещаетесь, так передайте ему, пожалуйста, что он мне за этот месяц за уборку площадки деньги еще не отдавал. Хорошо? А то что-то я никак его не застаю, или он дверей не открывает? Деньги небольшие, но все-таки инфляция, такое дело...

Евдокия Ивановна «завела свою пластинку», а я смотрел, как поведет себя этот молодой человек, одетый вызывающе, но не настолько, чтобы усомниться в его гендерной принадлежности или принять за представителя какого-нибудь очередного молодежного взбулькивания. Он повернулся левым ухом в сторону соседки, наклонил голову, прислушался, затем щелкнул каблуками, отдал ей честь, и, расставив руки и издав рокочущий звук, побежал «самолетиком» вниз по лестнице. Евдокия Ивановна оборвала речь на полуслове, закрыла рот и плюнула с досады. В следующую секунду из-за двери показалась ее нога в желтой тапочке, которая затерла плевков, а вслед за этим дверь оскорбленно хлопнула.

– Ну и что? – спросил я себя, после того как увидел, как «франт» вышел из подъезда скользящей походкой мартовского ловеласа и покинул двор, минуя и «ауди», и «пассат». – Что все это значит?

Я посмотрел в зеркало и подумал, что если «из сора растут стихи», то нечего предъявлять завышенные требования к источнику прозы. Что я выяснил за это время? Только то, что никакого дежурства в седьмой квартире нет. А есть, скорее всего, странный притон или ночлежка. Ночлежка, один из посетителей которой отличается пристрастием к гудению с закрытым ртом, а остальные ведут себя тихо. Безобидная ночлежка. Слишком безобидная и спокойная, чтобы можно было смириться с ее безмятежным существованием через две двери от меня и несколько метров зашлакоблоченного пространства. Что мы имеем? Мы имеем закрытую взгядонепроницаемую двухкомнатную квартиру, в которой находятся трое мужчин, если не предположить, что вместе с «бизнесменом» в нее не приехал и еще кто-то. Или если не представить, что этот кто-то (или эти кто-то) не лежат в дальней комнате штабелем временно выключенных муляжей, которые при своем оживлении и издают эти гудящие звуки? В дверь позвонили.

– Заходите, Евдокия Ивановна, – вздохнул я, щелкая замком и не сомневаясь в точности предположения.

– Нет, вы видели? – возмутилась соседка. – Я ему говорю, чтобы он передал Алексею об оплате, а он мне тут самолет изображает? Точно пойду к участковому. Притон прямо какой-то устроили на площадке!

– Какой же это притон? – удивился я и стал уверенно лгать, глядя в глаза соседке. – Этот молодой человек – сын брата Алексея. Брат Алексея – бизнесмен. Громила – его охранник. У брата Алексея сейчас дела в Москве. Остановился в гостинице, но иногда ночует здесь. Сын помчался в ночной клуб проматывать папины денежки. Чего тут непонятного?

– А? – поразились соседка, открыв от напряжения рот и пытаясь не упустить ни частички из передаваемой ей «бесценной информации». – А женщина кто?

– Какая женщина? – переспросил я.

– Ну, молоденькая такая, в розовом платье?

– А вы не знаете? – воскликнул я.

– Нет, – развела руками соседка.

– Так это жена бизнесмена. Новая жена. Мачеха этого парня. Представляете, какая это проблема, молодая жена и взрослый сын? – поинтересовался я у Евдокии Ивановны, понемногу вытесняя ее из квартиры. Челюсть у нее отвисла, а глаза почти выскочили из орбит и грозили упасть на мой матрац. Наконец она вышла на площадку. В глазок я увидел, как Евдокия Ивановна, вкручиваясь в замочную скважину, приникла к двери седьмой квартиры сначала глазом, затем ухом, затем отошла на один шаг, разочарованно сплюнула на пол, аккуратно затоптала плевков все той же тапочкой и скрылась в своей квартире. Я вышел на площадку и тоже приник ухом к двери. За дверью стояла мертвая тишина. Что же вы там делаете в этой тишине: Алексей, «бык», «бизнесмен» или сколько вас там?

07

Ночью мне снится всякая ерунда. Евдокия Ивановна по непонятной причине живет вместе со мной, летает, как полупущенный дирижабль, по комнате, развешивает по стенам фотографии неизвестных людей и раскладывает всюду безобразные вязаные салфетки и коврики. Мои рукописи лежат по полу, как истоптанная и опавшая листва, и символизируют собой отсутствие всякой издательской и литературной надежды. Евдокия Ивановна сбрасывает застиранный байковый халат и в розовом пеньюаре неотвратно движется в мою сторону, колыхаясь телесами, как облако, и плотоядно облизывая дюймовые желтоватые клыки. Я срываюсь с места и пытаюсь убежать из собственной квартиры. На площадке обнаруживаю, что дверь в квартиру Евдокии Ивановны заложена кирпичом, а дверь в квартиру Алексея открыта. Я вбегаю туда. Сорванные обои висят грязными лохмотьями. Пол усеян мусором и покрыт пылью. Вдоль стен расставлены огромные дубовые шкафы, в которых за стеклянными дверцами я угадываю безжизненно висящие куклы или оболочки «быка», «бизнесмена», «франта», «сыщика», нашего дворника, алкоголика Степаныча с первого этажа, самой Евдокии Ивановны, своего школьного приятеля, смутно знакомого мне редактора толстого журнала и еще каких-то известных и неизвестных мне действующих лиц. Я прохожу в следующую комнату и вижу на ковре зеленой травы, заполняющей всю комнату, лежащего Алексея и женскую фигуру в розовом платье, склонившуюся над ним. «Алексей!» – громко зову я его, но он остается недвижим. Фигура поднимает голову, но вместо лица я вижу окровавленное пятно, из которого доносится родной и знакомый голос: «Вадик, сколько можно спать? Подъем! Подъем! Вставай, а то убьем!»

08

– Вадик, сколько можно спать? Подъем! Подъем! Вставай, а то убьем!

Конечно, это была Верка. Только сестра могла явиться ко мне в субботу в семь часов утра и приняться будить, укоряя за расслабленность и напрасное прожигание жизни.

– Привет, – хмуро сказал я, сбрасывая одеяло и направляясь в ванную.

– А поцеловать сестричку? – попыталась она преградить путь.

– После ванной, – пообещал я ей. – Когда я целую женщину, я целую женщину. Даже если это моя сестра. Надо почистить зубы.

– Я жду, – вздохнула Верка и сказала еще что-то, но я включил воду и не услышал. Стараясь не смотреть на безобразие, мелькающее в зеркале, я постарался привести себя в порядок. Это заняло несколько минут, в течение которых я убедился, что сон не пошел мне на пользу. В неважном расположении духа я вернулся в комнату. Верка, которая копошилась на кухне, распаковывая принесенные пакеты, крикнула, что ее поражает способность одинокого и ничего не делающего мужчины наполнять за два-три дня битком мусорное ведро. Я натянул старые джинсы, футболку и, поцеловав сестру в щеку, отправился с ведром на улицу.

Наш пыльный московский дворик уже проснулся, но не открыл глаза и сквозь сон отливал свежестью в виде нескольких аккуратных луж, оставшихся после ночного дождя. На скамейке у подъезда, стараясь поймать худыми плечами пробивающую его дрожь, боролся с застарелым алкоголизмом Степаныч. Меня Степаныч из-за очевидной трезвости и безденежья за серьезного человека не считал и относился как к пробегающему мимо коту или иной бесполезной твари. Зная это, а также то, что, родившись уже после войны, он частенько рассказывает о своих военных приключениях, почерпнутых из книжек серии «Подвиг», я как обычно поприветствовал его: «Хайль Гитлер, Степаныч». Степаныч как обычно ничего мне не ответил, только постарался глубже опуститься в засаленный пиджак, глядя в одну точку и посасывая потухший «бычок».

Баки после утреннего вывоза мусора были девственно чисты, я опрокинул в ближний из них бумажный хлам и осмотрелся. В ряду машин, скрывающихся под ветвями нескольких полумертвых лип, замерли «ауди» и «пассат». Я поставил на землю ведро и подошел к автомобилям. Помигивали огоньки включенных сигнализаций. Колыхались прилипшие к капотам липовые листья. Ничего особенного. «Ауди» чуть новее и аккуратнее, чем «пассат». Никаких вещей или предметов на сиденьях. Ничего болтающегося под ветровыми стеклами. Повинуясь необъяснимому порыву, я огляделся, присел у заднего колеса, отвернул колпачок ниппеля и выковырнул золотник. Сигнализация крикнула на мгновение и затихла. Шина зашипела и мягко и плавно выпустила из себя натруженный воздух. Машина качнулась и слегка присела на одну сторону. Я оглянулся. Никого не было во дворе. Никто не шевельнулся за тремя окнами квартиры Алексея на третьем этаже. Я вернулся к бакам, подобрал ведро и опять протопал мимо по-прежнему уставившегося в одну точку Степаныча, не преминув заметить ему: «Но пасаран». Дома уже что-то скворчало на сковородке, издавая аппетитный запах, безрезультатно пытающийся пропитать холостяцкую квартиру. Я поставил ведро, сполоснул руки и снова поцеловал Верку. Дурак Вовка, ее муж. Ни разу не поцеловал ее при мне. Эта кожа просто не имеет права оставаться нецелованной.

– Как дела?

Кажется, сегодня Верка в хорошем расположении духа.

– Замечательно. Особенно в связи с твоим приходом. Не забываешь старшего брата.

– Тебя забудешь, – она улыбалась. – Или грязью зарастешь, или окончательно испортишь себе желудок концентратами.

– Концентраты бывают разные, – я стоял у окна и наблюдал, как двор в сторону нашего подъезда пересекает танцующей походкой нисколько не уставший «франт». – Несколько лет назад, после войны в Персидском заливе, в магазинах попадались очень недурные коробки сухого пайка морских пехотинцев США. Шоколад там был замечательный. Горький, как моя жизнь.

– Чего же в ней горького? – удивилась Верка. – Каждому бы хотелось такой жизни. Сидишь себе, стучишь по клавишам. Главное, чтобы без ошибок и интересно.

– Действительно, – усмехнулся я, садясь за стол, – главное, чтоб без ошибок и интересно.

– Ну и как твоя «нетленка»? – спросила Верка.

Она спрашивала меня об этом каждую субботу.

– Она по-прежнему нетленна, – отвечал я.

– А книжка?

И это она знала заранее. Несколько моих рассказов, опубликованных в толстых журналах, прокормить меня, конечно, не могли. Именно поэтому периодически я подвизался на любую, предпочтительно физическую, работу, что вызывало у Верки еще большее раздражение, чем мое, с ее точки зрения, «ничегонеделанье».

– Верочка, ты же знаешь. Для того чтобы издать книгу, надо или написать умопомрачительный кич, или устроить скандал,...

– ... или поработать президентом, или украсть миллиард, или... – остановилась Верка.

– Или? – переспросил я.

– Или быть гением.

Она грустно и серьезно смотрела мне в глаза.

– Не преувеличивай, – ответил я. – Посмотри на книжные развалы. Это что? Продукция неисчислимого количества гениев? Во мне живет смутная надежда, что последним гением на этой планете был Иисус Христос. Все остальные великие – таланты. С учетом, что далеко не все они литераторы, меня устроит место в первой сотне... даже тысяче.

– Это решать читателям, которых у тебя практически нет.

Она подняла крышку со сковородки и положила на тарелку жареной картошки и настоящую котлету.

– Домашние? – переспросил я.

– Домашние, – вздохнула Верка.

– Передай Вовке, что у него замечательная жена.

– Он знает.

– А Сереге, что у него замечательная мать.

– Он тоже знает.

– А что касается читателя, – я усердно дул на котлету, – то он у меня уже есть. Я тиснул свои произведения в интернете и теперь получаю отзывы на электронный почтовый адрес.

– Положительные?

– Отрицательные! Абсолютно отрицательные, но зато стабильно. В среднем раз в полгода.

– Посмотрим, как ты сможешь намазать эти отзывы на кусок хлеба и как ты купишь на них новые штаны, – снова вздохнула Верка.

В дверь позвонили.

– Сиди, ешь, – сказала Верка и пошла открывать.

– Если это соседка, то меня нет дома, – крикнул я, откусывая котлету.

– Это не соседка, – отозвалась Верка из коридора. – Иди, это к тебе.

Я встал и, перебрасывая горячий кусок котлеты из одного угла рта в другой, вышел в коридор. В дверях стоял «бык».

– Вадим? – спросил он.

– Угу, – мотнул я головой.

– Держи, Вадим, – сказал «бык» и, не размахиваясь, ударил меня в лицо.

09

Во всем происходящем с нами, даже и в дурном, есть хорошие стороны. Жизненный опыт – это закваска, на которой поднимается тесто фантазии, необходимое для выпекания пирогов вымысла. Теперь я знаю, как чувствует себя боксер, попрыгавший на одном ринге с Тайсоном в его лучшие годы. Боль в голове, особенно в месте удара, головокружение, неприятные ощущения в животе, слабость в коленях и продуктивная тошнота. Первое, что я увидел, когда пришел в себя, это моя заплаканная и суетсящаяся сестра, а также Евдокия Ивановна с выражением полной удовлетворенности на толстом лице. Я аккуратно потрогал голову и определил, что зубы целы, но вся левая скула, включая значительную часть глаза, потеряла чувствительность и, по всей видимости, изменила цвет.

– Какие действия успели предпринять? – спросил я, чувствуя неприятное похрустывание за ухом.

– В милицию звонили, в скорую, – всхлипывая, сообщила сестра.

– Сосед это, точно сосед! – убежденно продолжила ранее начатую реплику соседка. – Видит бог, сосед это был. Или один из его дружков.

– Тихо, – убедительно попросил я, с трудом вращая травмированной головой. – До кровати я сам дошел?

– Это я тебя тащила! – заплакала Верка.

– Слезы отставить, – сказал я. – Сколько сейчас времени?

– Не знаю! Начало девятого. Минут десять.

– Отлично, – пошутил я. – Дата, надеюсь, та же? А вы, Евдокия Ивановна, откуда взялись? С чего это вы решили, что у нас что-то случилось?

– Ну, как же? – удивилась соседка. – Да у вас же все на лице написано. Слышу крик, так я сразу сюда.

– Большое спасибо, Евдокия Ивановна, но помощь ваша, к сожалению, не понадобится. Я упал.

– Это как же упал? – удивилась Верка. – А этот, который звонил?

– Вера, никто не звонил, – убедительно повторил я. – Это был телефон.

– Так я открывала....

– Вера, – еще более настойчиво повторил я. – Никто не звонил. Я вышел в коридор, поскользнулся и упал лицом на дверную ручку.

Верка растерянно замолчала. Соседка презрительно поджала губы и пошла к выходу, бросив через плечо:

– Это же надо так измудриться, чтобы глазом и об дверную ручку в узком коридоре. А матрац для чего? Чтобы коленки не отшибить?

– Да! Я долго тренировался! – крикнул я ей вслед.

Дверь хлопнула.

– Это почему же упал? – спросила Верка.

Я сел на кровати, с трудом встал и подошел к зеркалу. Ничего себе. Темные грозовые тучи клубились на левом виске, на глазах подползая к переносице. Голова казалась чужой и не подходящей по размерам к шее.

– Наконец буду писать во всех анкетах, что действительно стучался головой, – попытался пошутить я.

– Это почему же упал? – снова спросила Верка. – Я милицию вызвала.

– Упал, – упрямо повторил я. – Для милиции упал. Тем более, они скоро не приедут. Знаешь, что такое литературный эксперимент?

– Какой еще эксперимент?

- Скажи мне, что бы сделал твой Вовка, если бы на его «шестерке» кто-то спустил колесо?
 - Убил бы, наверное.
 - Вот видишь? А я еще жив.
 - Ты спустил чье-то колесо?
 - Результат налицо. Или на лице?
 - Ты идиот. Ты законченный идиот!
 - А ты сестра идиота. И, скорее всего, тоже идиотка, по крови.
- Верка заплакала и обняла меня, стараясь не касаться обезображенного лица.
- Ну, если тебе так надо было спустить чье-то колесо, неужели ты не мог выбрать кого-то поменьше ростом? Ведь он мог тебя убить!
- Мог, но не убил. Может быть, в этом и заключается чистота эксперимента?
 - Ты вышел, я на кухне. Вдруг слышу грохот. И дверь хлопнула. Я бегу, а ты на полу лежишь и не дышишь. И котлета у тебя изо рта выпала, я думала, ты язык откусил себе. Я как закричу, тут соседка прибежала, стала в милицию звонить, в скорую...
- Зазвонил телефон.
- Алло! – сказал я, поморщившись и перекладывая трубку из левой руки в правую. – Кто это?
- Милиция. Районное отделение. От вас звонили? По поводу нападения?
 - Не было никакого нападения.
 - То есть, как это не было? Мы наряд выслали. Что там у вас происходит?
 - У нас все замечательно. Приезжайте, чаю попьем, – сказал я и положил трубку.
- Раздался звонок в дверь. Верка освободилась от моих рук и пошла в коридор.
- Аккуратнее там, – попросил я. – Посмотри сначала в глазок.
- Это была «скорая». Удивительная оперативность иногда случается у этой службы.

10

Врачиха оказалась сухопарой женщиной лет сорока с трезвыми глазами и закаленным характером. Она ощупала железными пальцами мою голову, подергала за язык, посмотрела зрачки и строго спросила:

– Упал?

– Как вы угадали? – поразился я.

Женщина вздохнула и зачем-то посмотрела костяшки тыльной стороны ладони Верки.

– Даже и не думайте, доктор, – посоветовал я ей. – Если бы меня сестричка ударила, мне бы и реанимация теперь не помогла.

– Может быть, так оно было бы и к лучшему, – отозвалась врачиха. – Насмотришься тут на вашего брата и думаешь иногда, что давно пора отстрел производить. С целью уменьшения бесполезной нагрузки на почву. Ну, что будем писать? Бытовая травма?

– Доктор так говорить не должен, – обиделся я. – Где ваше милосердие?

– Милосердие при мне. И слов моих оно не касается, – сказала врачиха. – Не тяните время. Что писать будем?

– Хорошо, – согласился я. – Только травма производственная. Писатель я. Упал, можно сказать, на рабочем месте. Хорошо, что карандашом глаз не выколол.

– Ваша фамилия Солженицын? – поинтересовалась врачиха.

– Нет, – удивился я.

– Тогда травма бытовая, – отрезала врачиха. – Если каждый мужик, у которого гайка лежит в кармане, станет себя слесарем называть, у нас у каждого крана по два слесаря стоять будет. Попьете вот эти таблетки. Если тошнота не прекратится, к врачу.

Врачиха защелкнула саквояж, подмигнула левым глазом и отправилась в ванную мыть руки.

– Доктор! – крикнул я ей вслед. – А почему вы руки моете перед уходом?

– А почему кошка умывается после еды? – спросила врачиха из ванной.

Я пожал плечами. Голова начинала все сильнее гудеть и явственно наливаясь свинцом. Врачиха вышла из ванной, посмотрела на меня с плохо скрываемым сожалением и ушла. Верка вышла ее проводить и вернулась через минуту с милиционером. Милиционер хмуро посмотрел мне в лицо и присел на краешек стула.

– Что, лейтенант, нравится? – спросил я его, стараясь лечь удобнее. – Что-то вы быстро сегодня.

– Проездом, – отозвался лейтенант, – а насчет физиономии согласен. Приготовлено неплохо. Но видели и покруче. Заявление писать будете?

– Зачем? – спросил я. – Я ж упал. Вот в этом коридоре. Об ручку.

– Удивительно, – сказал лейтенант, раскладывая на потрепанной виниловой папке листки. – Откуда у людей такая меткость берется? Вроде и разбежаться особо негде. Вот. Пишите.

– А что писать, собственно? – переспросил я.

– А что было, то и пишите. В смысле «упал», – поправился лейтенант, – а то знаем мы вашего брата. Сегодня он упал, а завтра, когда хмель сойдет, оказывается, ему в этом человек двадцать помогали и кошелек отняли попутно с такой суммой, которой он и в глаза никогда не видел.

– Напрасно вы так, лейтенант, – вздохнул я. – Нет у меня ни брата, ни кошелька. Ну, правду так правду. Давайте сюда листок.

Я пристроил на коленях папку и накарябал следующее: «Я такой-то-такой-то, находясь в здравом уме и сравнительно ясной памяти, подтверждаю, что с детства страдаю раскоорди-

нацией конечностей и всего организма, из-за чего сегодня утром во время передвижения по маршруту «гостиная-санузел» моя правая нога зацепилась за левую, и я потерял точку опоры. Вследствие этого я упал в направлении коридора таким образом, что траектория пролета головы была остановлена выступающей из двери квартиры дверной ручкой, из-за чего я незамедлительно получил легкое сотрясение мозга, и повреждение мягких тканей лицевой части тела. Претензий к физическим и юридическим лицам не имею. Означенную ручку прошу выломать и отправить на переплавку. Число. Подпись».

Милиционер внимательно изучил мои каракули, встал, надел фуражку и отдал мне честь.

– Если что, справку о раскоординации можете представить?

– Не могу, – сказал я. – Не лечился. Страдал так. Но согласен на следственный эксперимент. Подзаживет вот только. Кстати, как насчет чайку? Я обещал.

– Нет уж, – вздохнул милиционер. – Смотрю на ваше лицо и теряю аппетит.

Он еще раз отдал мне честь, пошел за Веркой к выходу, остановился в дверях, обернулся:

– А здорово он тебе засадил.

– На переплавку ее, на переплавку, – не поддался я на провокацию.

Верка вернулась через пару минут, села напротив. Сложила руки на груди.

– Евдокия до него докопалась. Звонил в седьмую, потом ушел. Никто не открыл. Там никого нет.

– Может быть, – согласился я.

– Иногда мне кажется, что это я твой старший брат, а не наоборот, – вздохнула Верка.

– Да, – кивнул я, – что-то суббота не задалась на этой неделе. Вера, может, я полежу?

– Конечно, – заторопилась Верка, – мне пора. Только не открывай никому. А то тебя тут вообще убьют. Я позвоню вечером.

– Ты только Вовке ничего не говори. А дверь я никому теперь не открою, – пообещал я.

В прихожей скрипнула незакрытая дверь, и из коридора показалась счастливая физиономия Степаныча.

– Бывайте здоровы! – сказал Степаныч. – Хайль, если вас так устраивает. Это вам.

Он сунул руку в полиэтиленовый пакет и, произведя мелодичный звон, достал и поставил на пол бутылку водки.

– Не понял? – удивился я.

– Ну, как же? – приподнял косматые брови Степаныч. – Ты колесо спустил? Спустил. Мне этот бугай за твой адрес доллар дал? Дал. А потом еще полтинник рублями за то, что я ему колесо накачал. Так что три пузыря и получилось. Один твой.

– Мой-то за что? – снова не понял я.

– Как за что? – развел руками Степаныч. – За маркетинг!

11

Самая прекрасная вещь на свете – одиночество. Только иногда наступает жажда среди этого прекрасного одиночества, которое вдруг оказывается раскаленной пустыней. И тогда хватаешься за бутылку, за трубку телефона, за дверную ручку чужого жилища, за что-то, что позволит удержаться на поверхности или утонуть, но только спастись от этого блага.

Где-то к обеду я сполз с продавленного дивана, подошел к зеркалу и снова вгляделся в свою помятую физиономию. Пульсирующая головная боль не давала мне покоя, и в ее мареве я плыл горящим кораблем по волнистой поверхности амальгамы, не понимая, откуда дует ветер, и куда мне держать курс, и что там за бортом, море или безжизненные пески. Чего я добился в свои сорок? Нескольких публикаций и благожелательных (а в сущности – никаких) рецензий и отзывов? Где мое ощущение творческого всеислия, которое с возрастом все чаще превращается в суетливую творческую возню? Кому интересны все эти высосанные из пальца истории и философские переливания из одного сосуда в другой? Эти остроумные диалоги, звучащие как натужные репризы, розданные перед спектаклем и зачитываемые с запинками с листа? Кто я? Неудачник последней молодости, который движется по коридору убогой двухкомнатной квартирki, опираясь о стенку, в нелепой надежде обнаружить единственный приз от судьбы за прожитые последние несколько недель? Приз в виде бутылки водки, принесенной подъездным алкоголиком и доставшейся такой дорогой ценой? Господи. Я даже думаю, как графоман. Сплошные причастия и отглагольные извращения. Отглагольные. Как звук булькающей холодной водки по ребристой гортани.

Я оперся рукой о старый потертый двухкассетник, запустив в кухню очаровательный в своем однообразии митяевский голос. Открывая холодильник, присел на пол и остался сидеть, ощущая спиной не вакуум враждебного заоконного пространства, а успокаивающий холод шлакоблочной стены. Здесь. Сэкономил Степаныч. Вряд ли это можно пить, но забыться от этого можно.

Я плеснул водки в стакан, обозрел правым здоровым глазом разложенные Веркой на полках припасы, взял в руку оледеневший беляш и часть лукового веничка и выпил. Откусил, стараясь не думать о том, чье мясо послужило начинкой урбанизированному пирожку, выпил снова и снова, пока жжение на лице и в душе не сменилось жжением в горле и пищеводе. Придумали бы, что ли, давно уже что-то иное. Что-то, что могло бы так же, как и водка, нейтрализовать бешеный адреналин, что сжигает изнутри и действует на сердце, как речной песок, насыпанный в ствол артиллерийского орудия, действует на прицельность стрельбы. Здоровым ухом и краешком ускользающего рассудка я услышал шорох на площадке, тяжело поднялся, прошел в коридор, шагая по спасшему мой затылок матрацу, и посмотрел в глазок. На площадке стояла стройная девушка в розовом платье с короткой почти мальчишеской прической и ковырялась ключами в двери седьмой квартиры. «Привет, девушка в розовом платье», – тихо, с трудом выговаривая слова, сказал я сам себе, вернулся в комнату и откинулся на старый диван. Тряпичная люстра на потолке начинала понемногу дрожать и вращаться вокруг собственной оси. Я потянулся к этажерке, достал толстый зачитанный журнал, нашел свою повесть и начал читать, усилием воли соединяя и успокаивая разбегающиеся строчки. Да что это я? Вовсе не бездарь. Неплохо, неплохо, неплохо, совсем неплохо....

12

– Вадик! Как ты там? Может быть, врача? Я звоню уже в пятый раз!

Я потянулся с дивана за трубкой, схватил ее, переместив Веркины восклицания с динамика на маленькую мембрану, и не узнал собственный голос:

– Аллю.

– Кто это?

– А ты как думаешь?

– Вадик! Что с тобой? Что с твоим голосом?

– Ничего, – я посмотрел на сереющие вечерние занавески. – Просто напился сегодня утром как свинья. Вот и провалялся до вечера как убитый.

– До какого вечера? – возмутилась Верка. – Уже утро следующего дня! Это я звоню тебе с вечера. Радуйся, что Вовчик меня к тебе ночью не пустил. Я бы устроила тебе разбор полетов.

Нет. Положительно, профессия мужа не может не сказываться на словарном запасе жены. Хорошо еще, что этот летчик не вмешивается в мою жизнь. В трубке послышался немного гнусавый голос Вовчика:

– Ну, ты, старик, не прав. Что это такое? Верочка волнуется. Ты понимаешь, так нельзя. Неприлично так. Ну, отвечать же надо на вызов диспетчера. Есть же полетная дисциплина.

– Володя! Я все понял. Борт номер девять сообщает: все в порядке, ветер попутный, температура за бортом тридцать шесть и шесть, легкая пробойна в левой стороне фюзеляжа. Бензобаки не задеты. Высота полета где-то метров семь.

– На бреющем? – голос Владимира подобрел. – До аэродрома дотянешь?

– Должен.

– Если что, включай радиомаяк. Раскладывай сигнальные костры.

– Понял. До связи, летчик.

– До связи.

Так. Значит, уже утро. Похоже, что анестезиолог перестарался. Начинаем комплекс реанимационных мероприятий. Так. Что у нас в зеркале?

В зеркале было нечто. Левая верхняя четверть лица потемнела. Глаз наполовину заплыл и превратился в обгрызенный миндаль. По щеке, лбу, скуле и виску проходила желто-зеленая кайма, огибая рану и смягчая переход от багрово-синего к бледно-небритому цвету. Определить ощущения рукою не представилось возможным, так как дотронуться до лица было выше моих сил. Ну, что ж. Если правда, что шрамы украшают мужчину, сейчас я должен быть неотразим. Вот и верь после этого американским фильмам, где герой и после двадцати таких ударов только поправляет галстук и усмехается.

Я взял скакалку и начал понемногу подпрыгивать на месте, то и дело путаясь в ней ногами, чувствуя, как живет у меня на лице самостоятельной жизнью огромный фингал. Я прыгал, не останавливаясь, пока пот каплями не выступил на плечах. Да. Вчерашняя бутылка водки явно не добавила мне прыти. Вовчик вообще считает любые прыжки издевательством над собственным телом. В те редкие случаи, когда он появляется в моей квартире вместе с Веркой, он всегда снимает с гвоздя прыгалки и настойчиво внушает, что человеческий организм имеет такой же предел прочности, как и современный самолет. И что если позвоночник рассчитан на десять миллионов вибраций, то настолько он и рассчитан. И нечего зря расходовать эту, в общем-то, небольшую норму. Он вытягивает губы и гнусаво повторяет одни и те же слова:

– Послушай меня, Вадик. Позвоночник – это стержень. Это ось вселенной. Береги его, Вадик. Никто тебе на пенсию новый позвоночник не даст. И носить твоё старческое больное тело ты будешь именно этим позвоночником, и никаким другим.

Он, конечно, прав. Как и всегда. Большой, умный, неторопливый. Только как же не прыгать, если только от этого в икрах появляется забытая легкость? Неплохо бы купить беговую дорожку, но это пока для меня дороговато. Так что будем прыгать. Тем более что и крепкий позвоночник в старости будет ни к чему, если сердце лопнет, как пустой баллон из-под фанты, когда наезжает на него мчащаяся машина.

Я повесил скакалку на гвоздь, присел на пять минут на палас, растягивая и разминая сухожилия и мышцы, повис на турнике, вставленном между стен узкого коридора. Нет. Сегодня мне это уже точно не дано. В душ. Теперь в душ.

13

Я стою у прозрачной витрины, за которой у огромного антикварного фотоаппарата – ящика согнулся старенький, крашенный-перекрашенный манекен мужчины с изящными усами и в нэпмановском костюме. Этот манекен – вневременной оптимист. Он смотрит на меня, жизнерадостно улыбаясь, не предполагая, насколько нелепо выглядит на этой улице, в этом городе и в этой жизни. Все течет. Вот уже в разряд антиквариата попали и фотоаппараты. Хотя этот ящик, скорее всего, муляж.

Я делаю вид, что смотрю на витрину, а сам через плечо поглядываю на двери подъезда на противоположной стороне неширокой улицы, укрывшие за собой «сыщика». Сегодня утром я увидел его выходящим из таинственной квартиры, в которую вчера вечером вошла девушка в розовом платье, и последовал за ним. Я старался держаться в отдалении и быть незаметным, что оказалось делом довольно нелегким, если учитывать величину черных пластиковых очков и количество тонального крема на левой стороне лица. Я постарался загримироваться настолько, насколько это было возможно. У меня оказалось три тюбика тонального крема. Моя забывчивость не причиняет мне особых страданий, потому что я редко покидаю квартиру. Другое дело – Верка, сестра своего брата. Она тоже забывчива, но страдает больше, так как бывает в разных местах. Но более всего она позволяет себе расслабиться именно у меня дома, и поэтому здесь она забывает все, что только можно забыть. Следы ее пребывания я ссыпаю в тумбочку, на которой стоит прикроватная лампа. Когда Верка приезжает ко мне, она сразу залезает туда и почти всегда делает приятные открытия. Но многое она успевает купить вторично. Поэтому количество содержимого тумбочки не уменьшается. Иногда звонит Вовчик и, прижимая трубку ладонью, шепчет:

– Старик. Я в штопоре. Твоя сестра потеряла паспорт, косметичку и кошелек. Назревает буря. Полеты могут быть прекращены. Быстро смотри в своем бюро находок.

Я соглашаюсь, кладу трубку на полку и открываю тумбочку. Пересыпаю в руках бесчисленные Веркины расчески, зеркальца, баночки и платочки. И как всегда ловлю на ладонь черную потертую коробочку, в которой лежит комочек потрескавшейся от времени туши и слипшаяся кисточка. Это осталось от Ритки. Сейчас такое уже не покупают и, скорее всего, не делают. Тогда, пятнадцать лет назад, после трех лет нашей утомительной семейной жизни, в которой было все: и любовь, и счастье, и нежность, и слезы, и скандалы, – но не было только денег и достатка, внезапно закончился мой первый и единственный семейный опыт. Я работал неизвестно кем в каком-то НИИ, приходил вечером домой и между чаем, жареной картошкой и поцелуем в мокрые Риткины губы углублялся в бесчисленные черновики и рукописи. Она терпела это долго. Мой будущий литературный успех был семейной мечтой. Ритка ругала меня за неаккуратность, за невнимание к ней, еще за что-то, но литература была табу. Она была моим первым читателем. Ей нравилось, как я писал. В тот вечер она впервые заговорила об этом. Села напротив и так долго смотрела на мою опущенную голову, что я был вынужден поднять глаза.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Что-то случилось, – ответила она.

– Что именно?

– Это на всю жизнь?

– Что? – не понял я.

– Это, – спокойно сказала она. – Сидение у настольной лампы. Бессмысленное сочинительство.

Меня обидели ее слова, но я сдержался.

– Рита, – сказал я, – ну, ты же знаешь. Мне нужно время.

– Сколько времени тебе нужно, Вадим?

– Столько, сколько нужно, – ответил я. – Может быть, еще год. А может быть, целую жизнь. Это что-нибудь меняет?

– Иногда мне кажется, что вместо черновиков ты используешь мою жизнь, – сказала Ритка и пошла спать.

Больше я ее не видел. Утром я ушел на работу, поцеловав ее в острое конопатое плечо, а вечером обнаружил, что и сама Ритка, и все ее вещи исчезли. Кроме этой коробочки с тушью на стеклянной полке в ванной. Поиски ничего не дали. И что я мог сделать? Мы даже не были расписаны. Идиот. Тогда я еще радовался, что мы не успели родить ребенка. И вот прошло пятнадцать лет. Я все также терзаю бумагу и собственную душу. И все также без видимого результата, выражающегося хотя бы в некотором достатке и экономической независимости от этого мира. Похоже, что пятнадцать лет назад Ритка сделала правильный выбор.

Я стою у картонного француза по имени Папье Маше. Я смотрю на часы и злюсь. В течение сорока минут я умело скрывался, преследуя «сыщика». Я умудрился не потерять его на двух пересадках метро. Я нырнул за ним в узкие переулки. Иногда мне казалось, что юркий тип специально запутывает следы, хотя он ни разу не оглянулся. И вот теперь он зашел в этот старинный подъезд и исчез. Я стою уже двадцать минут, как чучело, у витрины и начинаю нервничать. А если за дверями проходной двор? Я оглядываюсь, перехожу улицу и захожу внутрь. В подъезде темно и тихо. Пахнет сыростью и пылью. На первых ступенях отпечатался желтый квадрат от проникающих через наддверное тусклое окно солнечных лучей. Я ступаю на светлое пятно и прислушиваюсь. Глаза привыкают к темноте. Вот уже я вижу руку с газовым баллончиком в ладони. Слышу шипение и чувствую удушливый цветочный запах. Мои полтора глаза мгновенно слепнут, воздух застревает в глотке, и резкий удар в живот лишает сознания.

14

– Вадик! Привет! Что с тобой, Вадик?

Какой знакомый голос. Я пытаюсь найти опору и сажусь на ощупываемые ступени. В глазах резь, и ничего видеть я не могу. На ладони и лицо с шипеньем льется минеральная вода, я получаю некоторое облегчение и снова пытаюсь узнать голос. Это какой-то родной и близкий человек. Из прошлого. Из прошлого, связанного с Риткой. Тошнота начинает отступать. Сильно кружится голова. В животе от удара стоит ноющая боль. Новые потоки воды падают на лицо. Я ловлю поданные очки, надеваю их и, наконец, слегка приоткрываю глаза. Боже мой. Это Дина.

– Дина, – задыхаясь, говорю я. – Это ты? Откуда?

– Оттуда, – смеется Дина. – Что это с тобой? Бомжуешь?

– Хуже, – машу я рукой. – Пишу роман с трагическим концом, в котором я главное действующее лицо.

– Кажется, ты уже близок к финалу, – серьезно говорит Дина и помогает мне встать. – Поехали ко мне.

Она подводит меня к новенькой «десятке» и садится за руль. В машине мне опять становится плохо, я открываю окно, высовываю голову, но слезы текут неостановимым потоком, и я сам плавно уплываю куда-то на этих слезах. Дина говорит какие-то слова и расспрашивает о происшедшем. Я что-то отвечаю ей, не вполне понимая смысл собственных фраз. Ленинградский проспект, Балтийская. Разворот. Метро «Аэропорт». Тихие пыльные дворики со сплетничающими, но безобидными старушками. Так вот ты куда перебралась. Дина ставит машину у подъезда, подхватывает меня под руку и ведет на четвертый этаж. Сквозь оплывающие слезами зажмуренные глаза я успеваю заметить часть роскошного интерьера и оказываюсь в ванной. Быстрые сильные и уверенные женские руки сбрасывают мою одежду, раздевают совсем. И вот я уже в теплой, бурлящей подо мной щекочущими струйками ванне.

– Ущипни меня, – прошу я Дину. – Хочу проснуться.

– Тебе не нравится твой сон? – смеется она, намыливая мою голову и умудряясь касаться лица, не вызывая боли.

– Ну, если все это во сне, тогда я хочу тебя, – говорю я ей, не открывая глаз.

– Я вижу, – почему-то все так же весело отвечает она...

Мы лежим на огромной колышущейся кровати, подперев головы руками, и смотрим друг на друга. Я откровенно разглядываю ее и думаю, что когда-то представлял себе легкий адюльтерчик с этой прекрасной Риткиной подружкой, а произошло все только теперь, через пятнадцать лет.

– Как я выгляжу? – спрашивает она.

– Потрясающе, – отвечаю я. – А я?

– Еще более потрясающе, – смеется Дина.

Она почти совсем не изменилась. Все так же очаровательна. Особенно в мягком свете кремовых бра. И тело ее оказалось именно таким, каким я и представлял его себе тогда, пятнадцать лет назад – совершенным, гибким, отзывающимся легкой дрожью на каждое прикосновение.

– Как дела? – спрашиваю я.

– Отлично, – смеется Дина.

– Как Петька? Где он?

– А где ему быть? – улыбается Дина. – У бабушки на даче. Ему уже семнадцать. Закончил школу. Нянька не нужна.

– Как летит время! – удивляюсь я.

– Быстро, – соглашается Дина.

– А муж где? – натужно спрашиваю я. – Где Кирилл? В отъезде?

– В отъезде, – смеется Дина.

– Как он? – спрашиваю я, чтобы спросить о чем-то, и чтобы она не переставала смеяться.

– Думаю, что прекрасно, – снова смеется Дина.

– Разве он уехал так надолго? – удивляюсь я.

– Навсегда, – продолжает улыбаться Дина. – Пятнадцать лет назад вместе с Риткой. В штаты. Ты представляешь меня, идиотку? Я даю этому рязанскому остолопу свою замечательную еврейскую фамилию. Я оформляю с ним фиктивный развод, чтобы решить этот ненавистный квартирный вопрос. Я верю ему, как последняя дура. А он подхватывает мою лучшую подругу и уезжает в штаты. Ты можешь это себе представить? Нет, ты скажи еще, что ничего не знал.

– Знал, конечно, – лгу я.

– Неужели не знал? – она подползает ко мне, прижимается, закидывает на меня горячую ногу и трется, трется о мое бесчувственное тело, проваливающееся в небытие.

– Да нет. Конечно, знал! – восклицаю я.

– А я не знала, – грустно говорит Дина.

– Куда... ты пропала? – спрашиваю я. – Я искал тебя.

– Никуда, – отвечает Дина. – В больницу. Нервный срыв у меня был. К тому же, мы квартиру успели разменять. Он даже умудрился продать ту, которая как бы отходила к нему. Но я на него не в обиде. Теперь. Пишет. Звонит. Деньги присылает. Помогает, да я и сама не бедствую. Петька прошлое лето у него гостил. Осенью поедет к отцу. Учиться будет там.

– Процветает?

– Процветает, – говорит Дина, – только это на нашем уровне. На их уровне нормально. Хотя теперь и здесь десятки тысяч слаще живут. Но там спокойней. Вкалывает день и ночь.

– А Рита?

– И она вкалывает. Дает уроки музыки. Играет на каких-то местных сборищах. Ты представляешь, они даже в иудаизм перешли. Кстати, знаешь? Теперь Ритка мою фамилию носит. Звонила. Я, говорит, теперь тебе как сводная сестра.

– Обо мне ничего не хотела узнать? – спрашиваю я.

– Ничего, – отвечает Дина. – У нее уже двое детей от Кирилла. Две девочки. Кэтти и Саманта. Обе американки. Да они и сами уже американцы.

Дина смотрит на меня. Смотрит с нежностью, но жестко. Держит меня взглядом, чтобы не дать выпасть из гнусной реальности.

– По крайней мере, она жива, – пытаюсь пошутить я.

– Не вполне, – серьезно говорит Дина, – еле выкарабкалась четыре года назад. Рак у нее был. Хорошо, что вовремя диагностировали. Отняли левую грудь.

Я пытаюсь закрыть глаза, но не делаю этого, потому что боюсь потерять контроль над собой. Я смотрю сквозь лицо нахмурившейся Дины и вижу худое мальчишеское тело Ритки, изуродованное страшным шрамом на месте левой груди, и думаю, что я продолжал бы любить ее даже и в том случае, если бы она была вся покрыта такими шрамами.

– Ты все еще любишь ее, – с осуждением говорит Дина. – Это слюнтяйство.

– А ты простила ее? – спрашиваю я.

– Простила, – говорит Дина. – Кирилла не простила. Да и то... Петька ведь.... А ее простила. После всего. К тому же, она женщина. А женщина не властна над собой. Женщина во власти инстинктов. Ее инстинкт не подвел.

– А тебя? – смотрю я в ее глаза.

Дина замолкает, протягивает руку и гладит меня по лицу, высвобождая из-под одеяла маленькую, почти девическую грудь. Я смотрю на нее и чувствую, что кто-то, стоявший до сей поры у меня над душой, вскидывает старинное мушкетное ружье, стреляет в мое прошлое, но попадает в удаленную Риткину грудь. Дина подбирается ко мне снова, ловит губами мои губы и увлекает меня за собой.

– Дина, – повторяю я, стараясь не назвать ее Ритой.

– Не спеши, – отвечает Дина. – Что ты? Торопыга. Медленнее. Вот так. Мы никуда не торопимся...

Утром я диктую ей адрес, называя другую улицу и другой номер дома. Называю номер телефона, меняя местами последние цифры. Она говорит, что была еще два раза замужем, но неудачно. Она хвалит мою повесть, которую случайно удалось напечатать лет десять назад и которая не вызывает теперь у меня ничего, кроме удивления и легкой досады. Я отмечаю, как прекрасно она выглядит, но вижу, что ее прекрасная оболочка – это скорлупа, из которой через шесть-восемь лет вылупится стареющая несчастная женщина. Все. Я ухожу.

– Ты вернешься? – спрашивает она в дверях.

– Вернусь, – лгу я. Она грустно улыбается, потому что чувствует ложь. Дверь хлопает. Я спускаюсь вниз.

15

Никто не любит слабых и обиженных. Негодяй с разбитым кулаком, хоть выставленным напоказ, хоть спрятанным в глубокий карман, ни у кого не вызывает эмоций, если только он не начнет размахивать им перед чужим лицом. Его жертва с синяком в пол-лица заставляет окружающих безгласно отводить глаза и скорбно поджимать губы. Пока я доехал до своей станции, с десятков раз наткнулся на неприязненные взгляды и наслушался невнятного шепота за спиной. Действительно, какие еще предположения может вызвать ранним понедельничным утром худощавый тип в несвежих джинсах и футболке и в огромных безвкусных очках, со следами бурно проведенных выходных на лице? Только и остается, что ускорить шаг и резво попрыгать по ступеням движущегося эскалатора, оставляя за спиной и взгляды, и шепот, и возможные оскорбительные реплики.

Я вошел в родной дворик, миновал «Ауди» и «Пассат», не вызвавшие вчерашнего интереса, прошел мимо Степаныча, поприветствовавшего меня бодрым «Хайль» и поднялся к себе. На автоответчике оказались несколько вопросительных восклицаний Верки и Вовчика и медленное замечание приятеля из Питера с не вполне цензурным текстом, напоминающим по смыслу: «Я приехал на один день, сейчас у мамы, а ты опять где-то на капустных грядках? Там тебе и место». Сбросил одежду и полез в душ. Человек – слуга собственных иллюзий. После душа мне показалось, что я стал не только чище, но и лучше. В дверь позвонили. Я накинул застиранный махровый халат и посмотрел в глазок.

У двери стоял Алексей. Я открыл и, пригласив его войти, начал торопливо убирать с пола матрас. Он стоял и молча смотрел куда-то в сторону, словно и не собираясь предпринимать хоть какое-то шевеление пальцами, хотя бы догадаться, зачем одинокий снайпер оборудовал себе лежак на двух квадратных метрах напротив его жилища. Впрочем, это неважно. Он пришел ко мне сам. И, кажется, не настроен бить меня сразу. К тому же, это мы еще посмотрим, кто кого. Я жестом пригласил его в комнату и побежал на кухню, где свистящий чайник настоятельно требовал моего присутствия.

– Чай или кофе? – крикнул я ему с кухни. – Я умею делать настоящий турецкий кофе!

– А какой у вас чай? – отозвался Алексей.

– Английский!

– Давайте чай. Только, пожалуйста, заварите в чайнике. И не пакетиками.

Я вошел в комнату через минуту и обнаружил его стоящим посередине моего неприятельного жилища. Он медленно вращал головой, обозревая скудный интерьер.

– Вы программист? – спросил он, кивнув головой на компьютер.

– Вы считаете, что программист способен что-то запрограммировать на этом примусе? – удивился я, двигая кресло и расставляя на журнальном столике чай, сахар и прозрачное блюдо с холодными беляшами. – Этот ящик даже «ворд» обслуживает с паузами в тридцать секунд. Смее надеяться, что я писатель.

Алексей взял чашку, опустил в нее сахар, позвякивая ложечкой о фаянсовые края.

– Не могу пить чай, в котором не вижу чаинки. Не люблю пакетики.

– Это предубеждение, – не согласился я.

– Наверное, – задумчиво сказал Алексей и поднял на меня глаза. – Значит, вы писатель?

– Да, – усмехнулся я, – если рассматривать это слово с точки зрения словообразования. Пишу, значит, писатель. Печатаюсь редко. И не так, как мне этого бы хотелось.

– Это очень важно, – серьезно сказал Алексей. – Очень важно добиваться того, чего хочешь.

– Спасибо за мудрый совет, – постарался еще более серьезно ответить я. – Я стараюсь.

Я говорил с ним, а сам внимательно рассматривал его, отмечая все то, что не успел разглядеть во время наших редких и кратковременных столкновений. Передо мной сидел молодой человек. Вряд ли ему было более тридцати, хотя складки у глаз, одутловатые щеки и неизбывная усталость, пропитавшая тело, и взгляд говорили о том, что эти тридцать лет оказались не слишком легким отрезком жизни. Он по-прежнему не изменял застиранной рубашке, теряющей рисунок ткани на плечах и манжетах, синтетическим штанам-трико и стоптанным сандалиям. И шрам между ключиц оставался на месте. Он тоже смотрел на меня, но смотрел куда-то мимо и вдаль.

«Я для него не в фокусе», – почему-то подумалось мне.

– И что же вы пишете? – спросил Алексей.

– Вы хотите почитать? – ответил я вопросом.

– Нет! – воскликнул Алексей, но тут же обреченно согласился. – Давайте.

Я принес старый журнал с закладкой из шоколадной обертки на начале собственной повести и дал ему. Он положил его на колени, обращаясь как со спящим, но ядовитым животным, и снова поднял глаза.

– У вас неприятности? – спросил он.

– Так. Ерунда, – махнул я рукой.

– Нет, – настойчиво повторил он, – у вас неприятности. Я послан к вам.... Я пришел, чтобы сказать...

– Так пришел или послан? – спросил я.

– Я пришел, – повторил Алексей, – чтобы сказать вам. Мои друзья огорчены, что вы пытаетесь следить за ними. Ваш праздный интерес может принести неприятности, собственно, он уже их приносит. Они огорчены из-за этого инцидента с колесом. Зачем вы это сделали?

Алексей снова поднял глаза и неожиданно посмотрел мне в лицо. Его глаза были серо-зеленого цвета, и на правом поблескивало рыжее пятнышко.

– У вас радужная оболочка глаз разного цвета, – сказал я ему.

– Зачем вы это сделали? – снова спросил он.

– А что бы вы сделали на моем месте? – удивился я. – На вашем огороде приземляются инопланетяне, а вы продолжаете спокойно окучивать грядки? Что бы вы сделали, если бы на ваших глазах происходили необъяснимые вещи, напоминающие сюрреалистический сон? И что мог я? Что мог сделать я, чтобы проснуться от этого сна? Разве моя вина в том, что вместо того, чтобы ущипнуть самого себя, я ущипнул колесо вашей машины?

– Это помогло вам проснуться? – спросил Алексей, показав рукой на мое лицо.

– Послушайте, – обиделся я. – Надеюсь, вы пришли не для того, чтобы подшучивать надо мной?

– Конечно, нет, – ответил Алексей, осторожно перекладывая с места на место журнал на коленях. – И все-таки, какова действительная причина столь пристального внимания к моей скромной персоне и моим друзьям?

Я еще раз пригляделся к этому утомленному человеку и вдруг сквозь тщедушность его облика почувствовал в нем железную уверенность. Уверенность того типа, которая обычна среди тупоголовых кретинов. Потому что это уверенность ясности и однозначности. Значит, ты пришел ко мне, таинственный сосед, чтобы опросить по заранее подготовленному плану и подтвердить заранее подготовленные выводы? Не поменяться ли нам ролями?

– А если это я буду спрашивать вас? – поинтересовался я. – Согласитесь, с таким лицом я имею право на некоторую моральную компенсацию?

– Как угодно, – развел руками Алексей, снова опустив глаза. – Мой друг тоже хотел извиниться перед вами. Но не смог прийти. О чем вы хотели спросить?

– Не слишком ли вас много в двухкомнатной квартире?

– А вы хотите, чтобы я отказывал в гостеприимстве друзьям? – удивился Алексей. – Квартирка маленькая. Но ведь сами знаете: в тесноте, да не в обиде.

– О какой обиде вы говорите? – оборвал его я. – Да вас там постоянно не менее пяти или шести человек. Да пусть вас там будет хоть двадцать шесть, почему выходит всегда только один?

– Что вы имеете в виду? – спросил Алексей.

– Из квартиры всегда выходит только один, – повторил я. – Вся остальная компания постоянно остается внутри и ведет себя подозрительно бесшумно, если не считать ежеутреннего гудения и предполагаемого зубного скрежета, да и то только тогда, когда этот вышедший возвращается!

Алексей задумался, глядя куда-то в сторону, взял чашку и сделал несколько глотков, очевидно не замечая вкуса чая.

– И какие же выводы вы делаете из своих наблюдений? – спросил он.

– Я писатель, а не следователь, – ответил я. – Я впитываю в себя все, что происходит. Выводы делаются сами. Но как обыватель готов предположить что угодно. Любой бред. Например, что на нашей площадке обосновалась иностранная резидентура, банда наркоторговцев, подпольный бордель, наконец, что это база инопланетян и все вы искусственные андроиды, которых с гудением заводит таинственный мастер и выпускает в город по одному для сбора сведений о нашей планете. Или у вас есть запасной выход в другое пространство? Я даже мусор ваш исследовал. Вы что? Ничего не едите? Там остатки трапезы только одного человека!

– Интересно, – сказал Алексей. – Действительно, хороший чай. Ваши предположения очень интересны. Особенно насчет запасного выхода в другое пространство. Соблазнительная вещь. Только, смею вас уверить, они ошибочны. К сожалению, мне пора. Я пойду. Прошу вас, не проявляйте излишнего любопытства. Наша компания – это очень узкий круг людей, некоторые из которых облечены определенными полномочиями, а некоторые неводержанны в реакциях.

– Я успел заметить, – сказал я.

– Спасибо за чай, – Алексей встал. – Ну, все.

– И вы так и уйдете? – удивился я. – Вам не кажется, что наш разговор не окончен? Я бы еще понял, если бы вы достали пистолет с глушителем и пристрелили меня. А так в ваших действиях отсутствует логика.

Он остановился на выходе, обернулся:

– Или у вас чертовски развита интуиция, или оборваны некоторые нервные окончания. Чего вы добиваетесь? Раскрыть предполагаемую тайну? Вы способны представлять последствия своих поступков? Наконец, неужели на этой планете полностью исключается тайна личной жизни?

– А на какой планете эта тайна не исключается? – спросил я.

– Не ловите меня на слове, – сказал Алексей. – Я же сказал, что ваши теории неверны. Иначе бы вы уже давно находились в иных мирах. Хорошо. Я открою свой секрет. Но дадите ли вы мне слово, что не употребите свое знание против меня, пока я жив? Кроме того, одним из условий, возможно, будет некоторая помощь мне с вашей стороны.

– Хотите сделать из меня сообщника? – спросил я.

– Нет, – серьезно ответил он. – Просто нужен посторонний человек для контроля ситуации. Более того, обещаю, что уголовное преследование за недонесение о готовящемся либо совершенном преступлении вам не грозит. Даю слово.

– Надеюсь, что ему можно верить, – согласился я. – Так открывайте свой секрет.

– Не сегодня, – сказал Алексей. – Через несколько дней. Пока прощайте.

Дверь хлопнула. Я вернулся в комнату и, глотнув остывшего чая, прошел на кухню и вылил его в раковину. Чай отдавал хлоркой. Пить его было невозможно. В коридоре снова тренькнул звонок. Ну, кто там еще? За дверью оказалась Евдокия Ивановна.

– Ну, что там такое? – прошипела она. – Он вам все рассказал?

– Все очень плохо, Евдокия Ивановна, – ответил я. – Этот бизнесмен застукал сына во время прелюбодеяния с мачехой, и теперь речь идет о разводе.

– Ой! – изумилась Евдокия Ивановна. – И кто с кем разводится?

– Вот в этом-то и проблема. Они никак не могут определиться!

16

Я еду к Пашке. Мой синяк побледнел, точнее, стал одеваться радужным ореолом, и эта интерференция подсказала, что я не безнадежен. Я еще разок злоупотребил Веркиной косметикой и теперь выгляжу почти пристойно. На мне легкие ботинки, светлые просторные брюки, футболка и ветровка. Дилетанту эта одежда ничего не скажет, но искушенный поклонник продукции зарубежной легкой промышленности поймет, что перед ним человек, на голое тело которого наклеено никак не меньше пятисот зеленых бумажек. Как сказал мне продавец, упаковывая этот шикарный наборчик: «Одевайтесь только у Хьюго, и вам не откажет никакая подруга». Я скривился и заметил, что никакая подруга мне совершенно ни к чему, тем более, что когда-то про Адидас было похоже, но складнее. Продавец не растерялся и парировал убийственным: «Хотите стать боссом? Одевайтесь у Хьюго Босса. И не задавайте лишних вопросов». Я понял, кивнул и удалился. Мой печальный опыт диктовал необходимость подобного приобретения, потому что в редакциях, куда я захаживал, встречали всегда по одежке. Хотя я и понимал, что вряд ли это могло мне помочь. Сейчас я еду к Пашке, и мне хочется соответствовать.

Пашка более чем благополучен. Благополучие настигает его как лавина, сорвавшаяся со счастливых гор, и бережно несет на своей спине, чем бы он ни занимался и какие бы проекты ни претворял в жизнь. Когда-то он жил на Щелковке, недалеко от пруда, окружающего кольцом старинные постройки. Я доезжаю до Первомайской и, решив прогуляться, иду по улице, обгоняемый гремящими трамваями и фыркающими авто. Дверь открывает Пашкина мама, тетя Нина. Она ойкает, увидев мое лицо, но тут же спохватывается, обнимает и целует в здоровую щеку. Из кухни выглядывает Пашка, приветствует меня гортанным криком, проглатывает что-то и тащит за собой.

– Ну, ты старик даешь! – возмущается он. – Я тебя не дождался, решил пообедать. Присоединяйся. Что это у тебя с лицом?

– Рецензия на последнее произведение от одного из почитателей моего таланта, – шучу я.

– Не связывайся с критиками, – советует Пашка, наливая мне наваристого борща. – Критики – это волки. Писатели – травоядные. Травоядные не должны вступать в дискуссию с волками.

– Лучше бы я был плотоядным писателем, – отвечаю я, прихлебывая борщ.

– Будь, – откликается Пашка. – Однажды я спросил себя, Павлик, хочешь ли ты быть богатым? Хочу, сказал я себе. А хочешь ли ты быть счастливым, спросил я себя. Тоже хочу, ответил я. Так будь, сказал я себе, будь богатым и будь счастливым. И вот я, – Пашка откидывается назад на стуле, – вот я – богатый и счастливый.

– Ну и как ты себе это представляешь в моем случае? – интересуюсь я.

– Ну, только не так, как это делаешь ты, – возмущается Пашка. – Ты оделся в фирменный прикид, но выражение лица у тебя такое, будто для того, чтобы купить это, ты продал собственную квартиру. Мы все ищем удачу. Только немногие знают, что удача вот здесь.

Пашка тыкает себя пальцем в грудь и многозначительно кивает. Черт возьми. Он знает, о чем говорит.

– Это твой «Лексус» под окном? – спрашиваю я его.

– Да, – Пашка вскакивает с места и льнет к стеклу. – Нравится?

– Нравится, – говорю я. – У тебя вся жизнь, как этот «Лексус».

– У меня все о'кей, – смеется Пашка. – Заметь. Я сказал бы тебе то же самое, даже если бы все было отвратительно. Что ты говоришь себе, когда бреешься по утрам?

– Я говорю себе: ну и задница мелькает передо мной в зеркале.

– Идиот. Кому нужна твоя правда? Ты должен постоянно говорить про себя и вслух самому себе только одно: я самый, самый, самый. Самый сильный, самый красивый, самый талантливый. Судьба – мнительная, но внушаемая девица. Я просто уверен, что ты даже и в эти свои редакции приходишь с таким же кислым выражением лица, с каким рассматриваешь по утрам свою «задницу» в зеркале. Ты просто просишь их этим выражением: – Откажите мне, пожалуйста. И они отказывают. Отказывают?

– Отказывают, Павлик. Хочешь новость? Ритка нашлась.

Пашка аккуратно доедает борщ. Молча ставит тарелку в раковину.

– Павлик, Ритка нашлась, – повторяю я.

– Ну и что? – спрашивает Пашка.

– Павлик. Ритка нашлась, – еще раз повторяю я. – Через пятнадцать лет.

– Как я завидовал тебе, – говорит Пашка. – Ты единственный человек в этом мире, которому я завидовал. Тут прыгаешь, как чертик из табакерки всю жизнь, в надежде поймать хоть перо от синей птицы, а в твоё окно она просто залетела. И даже прожила целых три года. Я вообще этому поражаюсь. Не живут синие птицы в неволе. А ты... А ты её упустил. Зря. Такие женщины встречаются один раз в несколько жизней.

– Я знаю, – говорю я.

Пашка кладет на наши тарелки по большой котлете по-киевски, добавляет гарнир в виде румяной картофельной стружки, салат и жестом предлагает продолжить трапезу.

– А ты? – спрашиваю я его. – А ты женишься хоть когда-нибудь?

– Когда-нибудь, – соглашается Пашка, – ведь нужен же мне еще кто-то, кроме тебя, кому я смогу не говорить, что у меня все о'кей. Ведь на самом деле так не бывает.

– А как бывает?

Пашка отодвигает тарелку, откидывается назад и закуривает, выпуская дым в сторону приоткрытого окна.

– Расстроил ты меня...

– Чем же?

– Риткой своей. Я никогда, ни до, ни после не встречал такой женщины, как твоя Ритка. Ничего в ней, кажется, не было. Ни красоты какой-то особенной, ни потрясающего ума. Если только особенный какой-то шарм. Ей бы принцесс играть в кино. Которые горошину под вагоном матрацев чувствуют. Понимаешь? – Пашка щелкает пальцами, вылавливая из воздуха подходящее слово. – Она была как смысл жизни. Как философский камень. Всего-то и надо было нести её и не расплескать. А ты, как дурак, споткнулся и все разлил...

– Я не спотыкался, Павлик.

– Кому ты говоришь? – машет рукой Пашка. – Ты как о себе всегда думал? Вот я такой талантливый, почиваю на лаврах или витаю в облаках, а там внизу подо мной одним из моих апостолов Ритка. А на самом деле она никогда не была меньше тебя, глупее тебя, менее талантлива, чем ты. Вы были всегда равны. Я-то чувствовал это. Как на чашках весов. Ты со своим талантом, она со своей любовью... Она улетела, твоя чашка пошла вниз. Ты же все, что сумел опубликовать, написал именно тогда, когда с тобой была Ритка. А знаешь, почему она улетела? Потому что почувствовала, что улететь можешь ты...

– С чего это ты взял, что я могу улететь? – спрашиваю я.

– Ну, конечно, – кивает Пашка, – улететь ты не мог. Ты же не Вовчик. Ты мог спрыгнуть. Спрыгнуть и уйти. Но ты не спрыгнул. Знаешь, что ты сделал?

– Что?

– Ты остался. Есть такая способность у тебя – исчезать, никуда не уходя. Ритка улетела, твоя чашка грохнулась об землю, и ты сидишь в ней один и не можешь подняться, потому что тебе некого любить, а допрыгнуть до противоположной чашки никто не может. Она слишком высоко!

– Не может или не хочет, – говорю я. – Ты поэт, Павлик.

– Я приезжаю сюда погрузиться, – затягивается дымом Пашка, – и ты мне в этом неизменно помогаешь. Как тебе котлеты?

– Тетя Нина! – кричу я в коридор. – Это не котлеты, это полет в стратосферу!

Тетя Нина отзывается из глубины квартиры каким-то ласковым восклицанием. Пашка встает и собирает тарелки.

– Искусным кофеварам-кудесникам кофе не предлагаю, будем пить чай.

– Давай, – соглашаюсь я. – У тебя вода хлоркой не пахнет?

– Забудь про водопроводный кран, – он опять начинает учить меня жизни. – Сейчас все уважающие себя и клиентов специалисты готовят кофе из привозной воды.

Я встаю, чтобы заглянуть через его плечо.

– Э, нет, – осаживает он меня. – Не подглядывать. Нечего разгадывать мое ноу-хау.

Тем более, если это ноу-хау выстрадано двадцатью годами холостяцкой жизни. Элемент тайны необходим, особенно в приготовлении пищи. Был такой уже старый итальянский фильм. Там главный герой владел секретом приготовления пуленепробиваемого стекла. Представляешь, никто не мог отгадать состав смеси, которую он применял, а он просто тайком плевал в чан с этим стеклом.

– Надеюсь, ты не у него украл рецепт заварки чая?

– Обижаешь! – возмущается Пашка и ставит чашки на стол. – Вот.

Я второй раз за сегодняшний день вдыхаю чайный аромат. Пашка пьет чай, замурившись от удовольствия. Я вижу морщины у него на скулах и спрашиваю:

– Годы идут, Павлик. Неужели у тебя так никого и нет?

– Да как тебе сказать, – мнется Пашка, – есть, конечно. Чудо. Просто чудо. Сюда просилась со мной. Только, понимаешь, ей всего восемнадцать. Чувствую себя рядом с ней старым дураком. И вижу, что влюбилась она без памяти. Смотрит на меня преданными собачьими глазами. Но она девчонка, понимаешь, еще девчонка... А я старый дурак.

– Мы ровесники, – говорю я. – Называя себя старым дураком, ты оскорбляешь меня.

– Ты вообще трухлявый пень, – снова машет на меня рукой Пашка. – Вот что ты сам сделал для того, чтобы стать счастливым?

– Счастье – это миг, – отвечаю я, – следовательно, «быть счастливым» нельзя.

– Так лови этот миг, балда, – стучит себя по голове Пашка. – Лови и живи этим мигом. Вот честно. Только честно. Тебе сорок. Что ты еще хочешь в этой жизни? Ну, чего? Славы? Известности? Успеха? Денег? Ладно, слава и известность отпадают, это и есть успех. Денег? Что?

– Деньги, к сожалению, вещь необходимая, – говорю я, – но и деньги, и все остальное – это вторично. Вторично по отношению к чему-то иному.

– По отношению к чему иному? – не отстает Пашка.

В кухню на минуту заходит тетя Нина и ласково говорит Пашке:

– Павлик, отстань от Вадима. Дай поесть человеку.

– Спасибо, тетя Нина, мы уже пьем чай. Котлеты и борщ были замечательные.

– Мама, – вмешивается Павлик, – ты ничего не понимаешь. Твоя стряпня настолько вкусна, что мне постоянно приходится отвлекать его, чтобы он не подавился или не захлебнулся.

– Тетя Нина! Все по высшему разряду!

– Кроме одного, – вздыхает, уходя, тетя Нина, – боюсь, что я не успею побыть бабушкой.

– Слабак, – говорю я Пашке.

Пашка хмурится, достает из шкафчика бутылку водки и наливает ее в два маленьких зеленых стаканчика.

– Я думал, что ты меня покатаешь, – разочаровываюсь я.

– Покатаю, – отвечает Пашка. – Ты пей. Я мамке еще не сказал, но, похоже, все идет к тому.

– К чему «к тому»? – не понимаю я.

– Насчет внуков, – шепчет Пашка. – Я, собственно, на разведку приехал. Собираюсь через неделю Наташку сюда привезти.

– Зачем? – опять не понимаю я.

– Идиот, – повторяется Пашка. – Мы уже на шестом месяце. А она только-только перешла на второй курс. Родители ее ничего не знают. Отболталась чем-то, что на каникулы не приехала. А ведь и рожать еще. И не расписаны мы. Ей восемнадцать. Кошмар!

– Павлик! – хлопаю я его по плечу. – Молодец, старый развратник! Это же здорово! А где ее родители?

– Да тут недалеко, – снова закуривает Пашка. – Камышин. День ехать. Даже меньше.

– И чего ты волнуешься? – спрашиваю я. – Рожайте ребенка и туда. Что? Не поймут?

– Поймут, конечно, – Пашка бросает недокуренную сигарету в окно. – Только ее родители младше меня. Отец – на два года. А мать – на три с половиной. Что предлагаешь делать?

Я развожу руками. Пашка закуривает снова, наполняет кухню клубами и, открыв окно, машет створками.

– Мама не любит дым, – объясняет он. – Кстати, Наташка тоже. Нет жизни курящему мужчине. О чем ты задумался? Ты меня слушаешь? Да я тебе бесплатно такие сюжеты раздаю!

– Да с таким сюжетом, Павлик, романов с тыщонку будет.

– И как они заканчиваются?

– В основном трагически.

– Ерунда. Я не умею трагически, – говорит Пашка, вновь наливая водку. – Что бы я ни делал в этой жизни, у меня всегда получается или весело, или хорошо.

– Лучше хорошо, чем весело.

– Весело тоже неплохо. Вот ты о чем сейчас пишешь?

– Так... Историю с несколькими действующими лицами....

– И кому это интересно?

– Во-первых, мне...

– Ты не относишься к категории потребителей. Весь секрет твоих неудач, что ты не являешься источником положительных эмоций. Стране нужен положительный герой. Вадик. Напиши про меня роман. Ну, хотя бы повесть. Я профинансирую издание. Тысяч десять тиража гарантирую.

– Нет, Павлик, я не хочу работать над образом положительного героя. Я не знаю, что это такое. И ты не совсем положительный герой, Павлик. Ты чего-то не договариваешь. Ты не был удивлен, когда я сказал, что нашел Ритку.

Пашка снова бросает недокуренную сигарету. Подходит к окну и долго смотрит в сторону верхушек деревьев, корпусов гостиницы «Измайлово» и туманной дымки, съедающей многоэтажки Преображенки.

– Ты понимаешь, – он впервые смотрит мне в глаза. Впервые с того момента, как я заговорил о Ритке. – Понимаешь, это я помог им с визами и документами. Я не мог сказать тогда тебе этого. Я дал ей слово. Ты понимаешь?

«Понимаю», – думаю я.

– Ты же знаешь. Мне было еще тяжелее. Я всегда любил ее. Я и не женился поэтому. Но я любил и тебя. И люблю.

«Я знаю», – думаю я.

– Ну, скажи мне какую-нибудь гадость, – просит он.

– Дурак ты, Павлик, – говорю я ему.

17

Я проснулся рано утром в квартире Верки, но не встал, а лежал и слушал, как собирается на работу в свое любимое Мячиково Вовчик, как позвякивает посудой на кухне Верка, как ноет Серега, чтобы его взял с собой на работу отец. Наконец они завтракают, Вовчик уходит, забрав с собой ошастливленного пацана, а я все еще не встаю. Верка в отпуске. Ее отпустили еще в пятницу, Вовчику предстоит «довкалывать» эту неделю, а в предстоящую субботу они сядут на поезд и отправятся в далекий город Приозерск к Вовкиным родителям, где будут почти целый месяц кормить комаров, удить форель и прыгать по скользким камням Ладожского озера. Они уедут, а я загружу на дискету свой последний неоконченный литературный шедевр, чтобы этот месяц восхитаться стремительным текстовым редактором на Серегином новеньком пентиуме, кормить канарейку и выгуливать бешеную таксу. Если только собака не добьется своим виляющим детектором лжи такого же Вовкиного расслабления, какого неизменно добывается Серега. Они поедут на поезде. Вовчик терпеть не может самолеты, если не он в кабине пилота. На поезде спокойнее. По крайней мере, у него не возникает желания растолкать всех и вытряхнуть «этих бездарей» из самолета.

Я открыл глаза и встал. Щебетала канарейка. Чем-то похрустывала на кухне собака, сама напоминающая кусающийся батон колбасы. Мне постелили на диване, когда вчера вечером, точнее, глубокой ночью, меня сбросил здесь, в Перово, у сестры Пашка, не рискнув везти домой через всю Москву. Довез бы, конечно, но влетело бы это ему даже и не в копеечку. Где-то под вечер, когда все то, что и так было с нами ясно, стало еще яснее ясного, мы вышли на улицу. Пашка рвался завалиться в какой-нибудь ночной клуб, но я уверил его, что не получу от этого никакого удовольствия и уговорил заехать в Измайловский парк. Мы вырулили на главную аллею, свернули на какую-то просеку и погасили огни. В кронах чахлах деревьев мерцали редкие звезды. Мы оперлись спинами о теплый металлический бок Пашкиного «японского мерседеса» и, прислушиваясь, как отдаются в этом безжизненном лесу ночные вздохи Москвы, говорили обо всем подряд. Только не о Ритке. Обо всем, пока я не захмелел окончательно, и Пашка не разыскал, несмотря на мои бессмысленные указания, в переулках между обозначенными номерами Владимирскими улицами нужный дом. Он затащил меня на пятый этаж и сдал на руки с облегчением вздохнувшей Верке. Вовчик сделал круглые глаза и сказал, пикируя на Веркину голову:

– Я не удивлюсь, если завтра у твоего братца будут подбиты оба глаза.

Каким-то краем отключающегося рассудка я с ним не согласился и попытался спорить, но все уже плыло куда-то через меня, и я не запомнил больше ничего: ни как ушел Пашка, ни как меня несли из коридора и укладывали на диван, ни кто меня раздел и сложил одежду аккуратной стопочкой на стул. Я взял в руки футболку и вдохнул запах свежестыранного и выглаженного белья. Эх, Вовчик. Какой же клад тебе достался в лице моей сестры. Верка выглянула из кухни:

– Эй? Алкоголик? Чай или кофе? Или водочки?

– А, – согласился я, – давай кофе.

– Ты же считаешь, что я не умею готовить кофе? – удивилась Верка.

– Делай, как можешь, – обреченно ответил я и пошел в ванную.

В ванной я вновь обнаружил в зеркале помятую и небритую физиономию сорокалетнего мужика с явными признаками деградации. Ничего. Хотя что-то в этой жизни остается стабильным. Я намылил щеки Вовкиным гелем для бритья и стал медитировать, декламируя:

– Я самый красивый. Я самый талантливый. Я все могу. У меня все получается!. Женщины от меня без ума. Я пишу гениальные книги. Успех меня не покидает. Я самый...

Верка постучала и заглянула в дверь:

– Что случилось?

– Ничего, – невозмутимо ответил я, – где моя зубная щетка и бритва?

– В шкафчике, вверху слева, – ответила Верка. – Ты чего стонешь?

– Тебе показалось, – сказал я и повторил еще раз, глядя на вопросительное Веркино лицо. – Тебе показалось!

– Ну-ну, – ответила, скрываясь за дверью Верка. – Глазом об дверную ручку. Кажется, галлюцинации становятся для меня нормой.

Что-то должно было произойти. Назревающее событие стояло в воздухе, предчувствие клубилось под потолком, но пока не открывалось. Я чувствовал это всем: и больной головой, и побаливающим еще синяком, и почему-то слегка дрожащими руками. В комнате прозвенел звонок. Это?

– Кто это? – заорал я, вынырнув наполовину из ванной. – Верка, кто это?

– Это был Пашка, – сказала Верка из-за двери, проходя на кухню. – Едет в Питер. Сейчас проезжает поворот на Новгород. Желает тебе скорейшего выздоровления.

– Спасибо, – сказал я упругой водяной струе, бьющей меня из крана по подъему правой ноги. Нет. Не это.

– Ты будешь пить кофе или нет? – закричала Верка из кухни.

Я кое-как смыл с себя пену, завернулся в Вовкино бескрайнее полотенце и проник в Веркино царство. На столе дымились две чашечки кофе.

– Что это тебя так понесло? Последнее мальчишество? – спросила меня Верка.

– Далеко не последнее, – протянул я. – Вера, ты считаешь, что это кофе?

– Я считаю, – сказала Верка, садясь напротив меня и подпирая подбородок маленькой волшебной рукой, – что тебе нужно завести ребенка.

– Может быть, сначала завести женщину? – осторожно спросил я.

– Женщину нельзя «завести», – объяснила мне Веерка. – Она или есть, или нет.

– А откуда же возьмется ребенок? – не понял я.

– Подбери другой глагол относительно женщины, горе-писатель, – посоветовала Верка.

– Горе-писатель описывает горе, – сказал я. – Счастье-писатель – описывает счастье. Зло-писатель описывает зло. Писатель-повар пишет кулинарные книги. Вера, дай чего-нибудь поесть?

– Изменяешь своим принципам? – засуетилась Верка. – Ты же ничего не ешь с утра?

– Оказывается, ем, – ответил я, начиная расправляться с неестественно толстым импортным окорочком.

– Ты ничего не забыл? – спросила Верка, ставя на стол бутылку водки и наливая в два стаканчика по капле. – Сегодня тот день.

Я посмотрел на грустное Веркино лицо, на эти два стакана и не смог вспомнить.

– Какой день? – спросил я у Верки.

– А я-то думала, что в этом году ты начал его заранее отмечать, – сказала Верка, поигрывая стаканчиком в руке и заставляя водку переливаться изнутри с одной его грани на другую.

– Так сегодня... – начал догадываться я.

– Да, – сказала Верка, – сегодня день рождения Риты. И сегодня пятнадцать лет, как она исчезла.

Сестра молча смотрела на меня. Смотрела с тем выражением, с каким смотрят на фотографии давно умерших родственников, боль утраты которых уже растворилась, и осталась только светлая печаль и отстоявшаяся нежность. Она смотрела на меня, а я сидел с непроглоченным куском курицы во рту и думал, что эта моя паршивая жизнь движется по спирали, и сегодня как раз тот день, когда я как никогда близок к давно прошедшему мгновению моей жизни, в котором, придя вечером домой, я не обнаружил ничего, кроме этого комочка туши и слипшейся кисточки в картонной коробочке. И этот комочек туши вместе с этой кисточкой уже

пятнадцать лет стоит у меня в горле непреодолимым комком, ни проглотить, ни выплюнуть который я не могу. Я с трудом разжевал и проглотил кусок курицы и поднял глаза на Верку. Она сидела с невыпитой водкой в руке, и слеза, скатываясь с кончика ее носа, все никак не могла угодить в центр стаканчика.

– Сеструха! – шепнул я ей. – Все будет нормально. Ритка-то нашлась!

18

Всему свое время. Обычно события, которые выпадают нам в жизни, совершаются неторопливо и последовательно, поочередно бросая нас то в жар, то в холод, то приподнимая над землей, то расплющивая о землю. Но порой вздрагивает незримая рука бросающего кости, и события начинают наслаиваться друг на друга. Кому-то этот сумбур кажется черной полосой, кому-то – белой, а кто-то понимает, что только в этом психическом бардаке, когда разум не успевает осознать и смириться, возможно пережить все, что выпадает, и не потерять рассудок. Я просидел у Верки долго. Она достала три огромных старомодных альбома, большую коробку фотографий, и мы ползали на коленях по полу, раскладывали эти бесчисленные свидетельства ускользающего времени по кажущейся нам хронологии, и наклеивали их белым клеем на картонные листы. Я смотрел на фотографии и чувствовал, что чем дальше назад, тем реже мелькают среди них цветные, и мое черно-белое прошлое кажется проще и искреннее, чем настоящее. Потом, когда фотографии кончились, а альбомы распухли, когда остыл утюг, которым мы через полотенце прижимали наши лица к картону так, что вафельные шашечки оставались на детских щеках и челках, когда закипел чайник, и запах бергамота пополз по комнате, тогда мы сели и стали смотреть. С самого начала. С коричневых дощечек фотографий начала века, на которых стояли неведомые нам наши предки. Со строгих лиц наших юных бабушек и дедушек, вытянувшихся по стойке смирно в прошедшее дикое время. С младенческих улыбок родителей, трущихся животиками о дешевые пеленки. С наших наивных глаз, смотрящих на свое предполагаемое безоблачное будущее. Все дальше и дальше, пока время по причудливой параболе не вывело нас на нас сегодняшних, находящихся у окончания лучшей половины своей жизни и только теперь понимающих, в какой момент нами были утеряны чудесные путеводные клубки. Мною утерян, не Веркой. Верка счастлива. Ведь все ее слезы всегда были связаны только со мной.

Вечером пришел громадный Вовчик с разомлевшим за день, но счастливым Серегой. Их квартира сразу стала меньше. Вовчик поцеловал Верку в щеку, затем взял меня за подбородок, рассмотрел зеленый синяк и сказал, что от этого еще никто не умирал. Потом мы сели за стол и стали ужинать. Серега, размахивая руками, делился впечатлениями, Вовчик сдержанно, но сурово улыбался, а я думал, что, наверное, этот редкий Вовкин поцелуй дороже и слаще для моей сестры, чем тысячи более страстных и более жадных поцелуев, от которых уберегла ее судьба. Мы поели, они сели смотреть сделанные нами альбомы, а я уехал, оставив их наедине со своим счастьем.

Летний день уже наливался серостью, когда я вошел во двор, поднялся по лестнице и открыл дверь в квартиру. Щелкнул выключатель, и мне показалось, что жилье задышало с моим приходом, как грудная клетка умирающего, чье сердце разбудили разрядом тока. Я включил компьютер и посмотрел, что делают мои герои. Они как будто ожили, но не двинулись с места. Тогда я вложил в уста одного из них ничего не значащую фразу. Он сказал ее с видимым усилием, но его партнеры не шелохнулись. Рано. Пусть поразмыслят. Я разобрал постель, лег на прохладное белье и, закрыв глаза, стал переживать заново придуманную историю, рассчитывая, что она перейдет в сон, и во сне я увижу, какие слова должен произнести главный герой.

Я проснулся от настойчивого звонка в дверь. Мой главный герой растворился в утреннем свете. Набрасывая на себя халат, спотыкаясь в одном нащупанном босой ногой тапке, я открыл дверь. На площадке стояла возбужденная Евдокия Ивановна.

- Нет! Вы представляете? – воскликнула она, разводя руками. – Лешка-то съехал!
- Какой Лешка? Куда? – не понял я, просыпаясь на ходу.
- Сосед наш из седьмой квартиры!
- Куда? – спросил я.

– Откуда я знаю? – возмутилась Евдокия Ивановна. – Съехал! Лешку-то я не видела, а брат его был. Этот, который в дорогом костюме. Машину пригнали, погрузили кое-какую немудрящую мебель, чемоданы и съехали.

– Все увезли? – спросил я.

– Откуда мне знать, я в квартиру не заходила. Может, они имущество делить стали? По крайней мере, ни дамочка эта в розовом платье, ни сын его не появлялись. Я так думаю, что скрылись они. Уехали. Вот приедут, а ни вещей, ничего...

Я слушал Евдокию Ивановну, смотрел на обшарпанную дверь квартиры Алексея и испытывал то же чувство, какое испытывает рыбак, когда неведомая рыбина плавно сойдет с крючка, не показав ни огромного хвоста, ни облитого солнечной чешуей бока. Сиди и гадай, что это было. И еще обиду. Обиду не за злополучный заслуженный удар в лицо, а за неисполненное обещание Алексея. Я терпеливо выслушал неугомонную соседку, вернулся в квартиру и подошел к окну. Ни «ауди», ни «пассата» во дворе не было. Падающая звезда пересекла небо, погасла в кустах и не принесла никакой пользы. Кажется, я опять не успел загадать желание.

19

Прошло несколько дней. И еще несколько дней. Плавно закончился июнь. Или не закончился, а просто изменил имя. Как меняет имя девушка, когда вдруг обнаруживает через некоторое время, что люди в автобусе, или в метро, или в магазине называют ее уже женщина.

И морщинки возле глаз.

Но вот уже и это ушло в никуда, и август расцветает цветной сединой, обещая зиму.

Я сижу у компьютера и думаю о том, что господь не может справиться с этим потоком и носится, маленький и вспотевший, по коридорам вселенной с коробками магнитных или иных носителей в руках, чтобы успеть ничего не упустить и записать каждую секунду ускользающего времени.

Мои герои мертвы. Я забываю их имена и как всегда в таких случаях начинаю что-то еще. Как золотоискатель, который опускает свои приспособления в каждую таежную речку, рассчитывая, что, может быть, сейчас уж блеснет.

Август.

Тогда в июне все встало на свои места. Вовчик, Верка и Серега уехали на Ладогу. Колбасу взяли тоже, и она вернулась оттуда через месяц, худая и утомленная свалившимся на нее собачьим счастьем. Канарейка улетела у меня на второй день, и перед приездом хозяев я купил новую, которая внешне была точно такой же, но оказалась на редкость голосистой, что дало повод Вовчику предположить, что его свояк дурно влияет даже на птиц. Я вернулся в свою квартиру, а через неделю по Пашкиной наводке в качестве сопровождающего уехал с каким-то важным грузом в Челябинск, где три дня ходил по пыльным кабинетам, доказывая эту важность пожилым импотентам и раздраженным их импотенцией женщинам. Попутного груза обратно не было, почему-то мы с нашими машинами оказались в Казани, и вернулся я домой только позавчера. Дома было спокойно. Соседка уехала под Калугу к младшей сестре варить варенье. В кармане у меня похрустывало сытое двухмесячное существование. Вот только не писалось и не думалось. В таких случаях я всегда делал одно и то же. Ехал на метро на другую сторону Москвы, выходил где-нибудь на Северяanine или на Варшавской и шел пешком в свое Строгино, затрачивая на это целый день, покупая дешевые пирожки и сосиски, вращая головой по сторонам и рассматривая женщин. Конечно, я не был новым Гиляровским. Я был праздным созерцателем окружающей жизни, которая текла вокруг, не задевая меня ни всплеском, ни брызгами, ничем. Этот мир заканчивался и умирал. Умирал, не подозревая об этом, потому что через четыре месяца первая зима с цифрой два вступит в свои права, и весна будет уже в другом измерении.

Я ехал к старому знакомому, который когда-то баловался прозой, но вовремя остановился и теперь участвовал в различных литературных проектах в качестве составителя, редактора и еще неизвестно кого. В портфеле лежали две прошлогодние повести, которые я не смог никуда пристроить в прошлом году и рассчитывал определить в новый, создаваемый приятелем альманах. Я заранее знал, что он скажет, увидев мои листочки. Он глубоко вздохнет. Скажет, что сейчас время больших форм и эпических повествований. Он скажет, что, если я не хочу писать литературную порнографию или безупречный, но никому неинтересный словесный бред, я должен писать «Сто лет одиночества» в русской тональности или хотя бы «Двадцать лет», но в том же направлении. Я отвечу, что, если мои герои гибнут или растворяются на сотой странице, я не могу заставить их существовать еще сто пятьдесят страниц, или это будет существование под капельницей и в реанимации. Приятель разведет руками и кисло добавит: «Ну, оставь, что ли. Я посмотрю. Хотя ты знаешь, ведь я ничего не решаю...» И я оставлю, заранее представляя и его ответ, и все последующие слова...

Напротив меня стояла молодая женщина, одетая в светлое платье до колен, подхваченное поясом на бедрах так, что складки фонариком свисали по бокам. У нее была короткая стрижка и сильно напудренное, как после эпиляции, лицо. Мне казалось, что она смотрела на меня, но определить точно этого я не мог, потому что на глазах у нее были черные очки «стрекоза», и смотреть она могла куда угодно. Тем не менее, я чувствовал взгляд, отворачивался, отводил глаза, но очки притягивали меня, и я готов уже был уйти в другой конец вагона, как вдруг мой взгляд опустился на ее шею. На шее возле узелка золотой цепочки и затейливого кулона змеился голубой шрам, начинающийся из белесой точки между ключиц. Я смотрел, не дыша, на этот шрам, пытаясь вспомнить, где я его видел, и почему сердце у меня замирает и взрывается ударами в висках. Поезд метрополитена остановился. Девушка сделала шаг на платформу, двери сомкнулись, и перрон умчался назад, унося вместе с собой цокающую туфельками незнакомку. Почему я не вышел вслед за ней? По той же самой причине, по которой до сих пор пишу никому не нужные повести и рассказы.

Все было почти так же, как я и ожидал. Приятель сказал все предполагаемые мною слова, только работы мои не взял, а предложил занести их в какой-то кабинет, куда я не пошел, потому что не хотелось до конца следовать назначенному року. Я вернулся домой, включил компьютер и замер, глядя на дешевые шторы, которые обреченно свисали с карнизов на окнах. Жужжала громадная бестолковая муха. Помигивал автоответчик. Издавал стандартные звуки windows мой электронный приятель. Где ты бродишь, читатель? Как до тебя добраться? Хотя бы для того, чтобы получить безапелляционное «нет» из твоих уст, а не от посредников, которые считают, что истории из жизни отморозков тебе интереснее всего. Или это действительно так? Ведь производится то, что покупается? Может быть, добавить крови, стрельбы, распахнутых вагин и нерасслабляемых пенисов? Чтобы глаза повылазили из орбит от удовольствия? Не выйдет. Нужно отмотать обратно почти весь сороковник, чтобы избежать сделанных самому себе прививок от безвкусицы и пустоты. Да и тогда вряд ли получится. И зачем? Добавить несколько капель дерьма в море разлитое? Кто это заметит? Или же это снобизм? Интересно, бывают нищие снобы?

Я встал, прошел на кухню, зажег под кофейным «песочником» огонь и включил автоответчик. На нем было несколько восклицаний Верки по поводу моего возвращения и ее субботнего прихода. Недоуменный вопрос приятеля, которого я уже половину дня считал бывшим: почему я не оставил повести у него в конторе. Голос Дины.

– Привет, трус и негодяй. Я все равно тебя нашла. Никуда ты не денешься. Нам нужно увидеться. Мне есть, что сказать тебе. Хотя бы из-за Риты позвони.

Я нажал на «тереат», послушал еще раз, и еще раз, каждый раз улавливая какие-то новые интонации в ее голосе. Время остановилось и замерло на этом автоответчике, только каленым речным песком запахло из кухни. Я побежал туда и услышал, как голос Дины сменился голосом Алексея.

– Здравствуйте, Вадим. Это говорит бывший сосед, Алексей. Мне очень нужна помощь. Позвоните, пожалуйста, по телефону...

Я выключил газ, еще раз прослушал сообщение и набрал номер. Прозвучали гудки, затем в трубке раздался незнакомый голос:

– Я слушаю вас.

– Будьте добры, мне необходимо услышать Алексея.

– Почему вы решили, что здесь может быть какой-то Алексей? Кто это звонит?

– Это его бывший сосед. Он сам дал мне этот телефон.

– Сожалею, – ответили на другом конце провода, – но я ничем не могу вам помочь. Думаю, что ваш друг ошибся, когда называл этот номер телефона. Смею полагать, что никакого Алексея здесь нет, и никогда не будет. Всего хорошего.

Трубку положили. Я слушал гудки и видел, как дрожат пальцы, которыми оперся о стол.

20

Он появился вечером. Позвонил, молча остановился в коридоре, прислонился спиной к стене. Удивил странным сочетанием человека-тряпки с поблескивающей металлом волей внутри. Не разуваясь, прошел в комнату и сел на диван, выложив на колени кусок картона с какой-то надписью. Попросил чаю.

– Если можно, то без хлорки.

– Конечно, – согласился я. – Я теперь для чая и кофе воду покупаю. Радуюсь, что воздух бесплатно.

– Не радуйтесь, – хмуро ответил Алексей. – За такой воздух нам доплачивать надо. Хотя здесь, в Строгино, еще ничего.

– А вы теперь где? – спросил я его.

– В Люблино, пока, – ответил Алексей. – Но квартира эта моя.... Тоже пока.

– Что за проблемы? – спросил я, выставляя на стол дымящийся чай, печенье и еще что-то, в чем я не отказывал себе в бесплодном творческом одиночестве. – Опять кто-то донимает вашу компанию излишним вниманием?

– Знаете, почему я пришел просить о помощи именно вас? – спросил меня Алексей.

– Нет, – ответил я. – Единственное, что приходит в голову, это то, что больше вам попросить о помощи некого.

– Может быть, – он задумался. – Думаю, вы подумали, что я обманул вас и решил не открывать своей тайны?

– Вы недалеко от истины, – подтвердил я.

– Да... – он помолчал, прихлебывая чай. – Так оно и есть. Зачем мне дополнительные проблемы в лице любопытного, назойливого, пусть даже никому не известного писателя? Я не слишком обижаю вас?

– Нет, – сказал я. – Если вы говорите правду, тогда нет. Хотя тот, кто говорит правду, обречен постоянно кого-то обижать. К тому же, пока вы не оригинальны.

– Нет, – не согласился Алексей. – Я – оригинален. Я сделал все, чтобы съехать отсюда. Хотя бы на время. И только потому, что ваше наблюдение могло закончиться трагически для вас.

– Значит, некоторые мои предположения оказались верны? – спросил я.

– Нет. Точнее, да, но только отчасти. На ничтожный процент. Дело в другом. Ситуация изменилась настолько, что я не справляюсь с ней самостоятельно.

– И чем же могу помочь я? – поинтересовался я. – Вы хотите, чтобы я навел порядок в вашей таинственной масонской ложе?

Алексей откинулся назад, вытер лицо платком и зачем-то приподнял и снова положил лицевой стороной вниз картонку. Я стал внимательно рассматривать его и тут только увидел, что одет он как-то необычно, нелепо и безвкусно, хотя одежду эту я видел раньше, и она мне знакома. Ну, конечно! Это была одежда того «сыщика», который уложил меня с помощью газового баллончика в бывшем проезде Художественного театра. Блестящие ботинки с тонкими узкими носами, почему-то голубые носки, клетчатые зеленоватые штаны, розовая рубашка-апах на кнопках и темно-коричневый пиджак.

– Что? – нервно засмеялся Алексей. – Удивляет мой наряд? Не могу сказать, что моя обычная одежда выглядит более гармонично, но.... Но это вопрос обстоятельств. Насчет масонской ложи, вы опять не угадали. Тем не менее... дело серьезное. Помогать вы мне не обязаны. Более того, вряд ли вы можете мне помочь. Но вы можете контролировать ситуацию. Вы готовы слушать дальше, или мне пора уже уйти?

Я посмотрел на его опущенные веки, он по-прежнему смотрел куда-то вниз, и подумал, что лучше бы он сейчас ушел.

– Помощи я вам обещать никакой не могу, но слушать я готов.

– Спасибо хоть на этом, – Алексей снова глотнул чая. – Но сначала я должен объяснить, почему я пришел именно к вам.

Алексей замолчал на мгновение, закрыв глаза, как будто справлялся с нахлынувшей на него болью, затем открыл глаза и продолжил:

– В чем-то вы правы. У меня действительно никого нет.

– А ваши друзья?

– А! – махнул рукой Алексей. – Не перебивайте меня. У меня никого нет. У меня нет никаких родственников и нет друзей. Так случилось. Мои родители были людьми необщительными. Одинокими. Возможно, что и сошлись они на почве одиночества. И когда их не стало, это двойное одиночество унаследовал я. Нет. Конечно, и в одиночестве есть свои прекрасные стороны, но от этого оно не перестает быть одиночеством. И вдруг сравнительно недавно, когда жизнь повернулась ко мне самой безжалостной стороной, я обнаружил, что этого одиночества больше нет.

– И какова же моя роль в этой метаморфозе? – спросил я его.

– Самая главная, – ответил Алексей. – Ваша книга.

– Книга? – удивился я.

– Ну, журнал с вашей повестью. Извините, я не могу вернуть его вам.

– Не беспокойтесь, – сказал я. – Когда этот журнал вышел, я скупил некоторую часть тиража. У меня осталось не менее сотни экземпляров.

– Вы сами уменьшили вероятность успеха, – вздохнул Алексей. – Но я прочитал. Не знаю, зачем я это сделал. Возможно, потому, что, обманув вас, обещая скорую встречу, я не захотел быть обманщиком дважды. Я прочитал, и ваша повесть закончила мое одиночество. Она лишила меня его. Вы понимаете?

– С трудом, – признался я.

– Да все очень просто. Вы пишете не повести и не рассказы. Вы пишете исповеди, даже тогда, когда выдумываете все от начала до конца. Можно не соглашаться с логикой изображенных вами событий, могут не нравиться ваши герои, но забыть этого нельзя. Вы выложили всего себя на бумагу, препарировали, раскатали по строчкам текста и подали на стол. Вы знаете, почему вы не популярны? Потому что очень утомительно читать это. С чего вы взяли, что массовый читатель толпами хлынет на операционные столы, где вы обещаете выпотрошить его, даже если после этого он гарантированно испытает нечто? Никому этого не надо.... И если бы не обстоятельства, этого было бы не нужно и мне.... Но я прочитал. И одиночества своего я лишился. Вы понимаете?

Я кивнул, как замороженный глядя на этого почти парализованного собственным бессилием человека, на лице которого горели безумные глаза.

– И вот, – продолжил Алексей, – я лишился одиночества, но приобрел собеседника. Да просто близкого мне человека.

– Вам не кажется, что даже для дружеской близости нужна взаимность? – спросил я.

– Да бросьте вы, – махнул рукой Алексей. – Когда открывается книга, никто не спрашивает согласия писателя. Я сроднился с вами из-за вашей откровенности. Вы сроднитесь со мной, едва узнаете, в какое дерьмо я вляпался. Человек по природе своей склонен к жалости. И у вас, я уверен, будет возможность пожалеть меня. Знаете, что я хотел вам рассказать?

– Что? – спросил я.

Он наклонился и произнес мне в лицо напряженным шепотом:

– В действительности их нет!

– Кого нет? – не понял я.

– Их. Управляющего отделением банка. Маклера. Этого бандита. Юного ди-джея. Этой дамы. Их нет. И они есть.

– Подождите! – запротестовал я. – Я еще не понял, как это их нет, а вы уже добавляете, что их нет, но они есть.

– А вы не спешите, – посоветовал мне Алексей. – Их нет, потому что их нет в природе. Но они есть, потому что они есть. Потому что есть поступки, которые они совершают. Есть одежда, которую они носят. Есть их имена. У них есть друзья. Даже работа! Они обладают всеми качествами конкретных людей. Но их нет.

– Не понял! – раздраженно повторил я.

Алексей сидел на диване и торжествующе смотрел на меня как на школьника, впервые услышавшего от учителя, что земля – это шар, и пораженного этим обстоятельством.

– Их нет, но они есть, – снова сказал Алексей, наклонился и прошептал мне прямо в ухо. – Это я их создал. Я сделал их из себя!

21

«Что он понимает?» – подумалось мне. Я все делаю из себя. Я становлюсь больным стариком, когда описываю старика. Я становлюсь волком, когда описываю волка. Я становлюсь женщиной, даже тогда, когда в моих рассказах ее запрокидывают навзничь и насилюют или рвут безжалостно на части. И я чувствую все это. Что он понимает в этом, если даже Ритка бросила меня из-за того, что, когда она звала меня по имени, я поднимал голову от бумаги с пустыми безжизненными глазами, потому что был кем угодно, стариком, волком, женщиной в эти минуты, но не самим собой? Я не мог разорваться надвое. А она не могла жить в пустоте. Что он в этом понимает?

– Это я их создал. Я сделал их из себя.

– Доктор Джекил, несколько мистеров Хайдов и даже миссис Хайд в одном лице? – с сарказмом спросил я его. – Это неоригинально.

– Бросьте! – повысил голос Алексей. – Доктор Джекил и мистер Хайд – это всего лишь идея, которая ничего общего не имеет с действительностью. К тому же, она основана на использовании физического мира. Опять какие-то снадобья и химикаты. Ничего этого не надо. Все здесь, – показал Алексей себе на голову. – И у вас все здесь. Только и различие, что вы выпускаете своих героев на бумагу, а я в жизнь.

– Не хотите ли вы сказать, что выпускаете в жизнь созданных вами фантомов? – удивился я.

– Фантомов? – задумался Алексей. – Нет. Это не фантомы. Это уже не фантомы. Выражения должны быть точными. Ведь слова – это выражения мысли. А мысль – это штука довольно материальная, частица божественного поля, если угодно. Сгусток мыслей – это уже личность. Нет. Они мыслят. Это уже не фантомы...

– И все-таки. Что позволяет вам утверждать, что те люди, которых я видел и даже испытал сомнительное удовольствие общаться с ними, не материальны? Или, короче говоря, их нет... хотя они и есть?

– Материальны... – пробормотал Алексей. – Еще как материальны. И их растущая материальность прямо пропорциональна моей убывающей материальности. Извините меня, я лягу...

Он сбросил ботинки, бессильно опустил на левый локоть, беспомощно закинул на диван согнутые ноги, вытянулся так, что диванная подушка оказалась у него под лопатками, и запрокинул голову назад.

– Устал, – сказал Алексей и закрыл глаза. – Извините, но пока я буду говорить так. Вы знаете, что такое мозг?

– Не больше, чем об этом написано в книгах по анатомии.

– В книгах действительно написано кое-что, но что это значит по сравнению с настоящей картиной? Представьте себе, что строение дерева изучают по сантиметровому спилу, не подозревая о существовании кроны и корней. Безусловно, человеческий мозг – это чудо. Но что значит это чудо, если окажется, что мозг – это всего лишь что-то, удерживающее в себе душу человека так же, как губка удерживает воду? Вот тебе и чудо.... Попробуй, удержи ее.... А если она там не одна? Вам интересно все с самого начала? – вдруг спросил он меня.

– Да, – ответил я с некоторым недоумением, глядя на этого внезапно свалившегося на мою голову, распластавшегося на диване человека.

– С самого начала, – задумался Алексей. – Начну все-таки не с самого начала. Хотя, что есть начало, неизвестно никому. Я рано остался один, и поэтому мне пришлось полагаться только на собственные силы. В армию я не собирался, так как перенес в детстве травму позвоночника, которая до сих пор вызывает у меня сильнейшие боли. В армию я не собирался, в

институт идти тоже особого желания не было. Жизнь казалась мне дорогой, которая рано или поздно приведет меня в инвалидную коляску. И вот чтобы этого, может быть, не случилось, я пошел учиться в медицинское училище возле дома. Денег на дорогу тратить было не надо. Да и возможность когда-нибудь поступить в медицинский институт, наверное, все-таки не помешала бы. Так или иначе, я стал студентом медицинского училища. Жить было на что. Я и сам не транжир, да и родители кое-что оставили. Машину собирались покупать на старости лет. Я очень поздним ребенком был. Я подумал и решил, зачем мне машина? Не лучше ли обеспечить себе экономное, но сытое существование лет на десять? А там, глядишь, и до нормальной профессии доберусь? И все бы хорошо, но, не поверите, в училище я начал лысеть.

Алексей неловко поднял правую руку и погрузил ее в свою густую шевелюру.

– Не верите, правда? И я не верил. Только волосы начали выпадать целыми прядями, и вскоре я был вынужден носить очень короткую стрижку, чтобы не выглядеть со своей лысиной совсем уж смешно. Трагедия. Трагедия для моих семнадцати лет, особенно в коллективе, где почти все молодые прекрасные девчонки. Чего я только не перепробовал. Каким только дерьмом себе голову не мазал, ничего не помогало. Пока в полном отчаянии не вспомнил однажды своего престарелого отца. Отец мой был человеком набожным, да не глупым. Понимал, что все мои болячки от их с матерью возраста происходят. И чувствовал, пожалуй, что недолго им с мамкой уже осталось. Все разговоры со мной разговаривал. И все эти разговоры, как я теперь понимаю, своей целью имели только одно: подготовить меня к самостоятельной жизни. Да и машину они вряд ли на самом деле думали покупать. Мне деньги собирали...

Он замолчал, задумавшись о чем-то. Я подождал несколько секунд и спросил его:

– И что же дальше?

– Дальше? Вы не думайте, я не сплю, – ответил он, – вспоминаю.... Чаше всего отец мой повторял одни и те же слова. Он говорил, что человек может добиться в своей жизни всего, чего хочет. Главное – захотеть по-настоящему. О том, что говорил Христос своим ученикам, «если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда и туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». Может быть, я неправильно его понял. Может быть, не о той вере шла речь. Но для меня верой всегда казалась вера в самого себя. И я подумал тогда. Если от такого количества веры сдвигается гора, то неужели от сотой ее части не исчезнут мои проблемы? Болезни мои не излечатся? Тут как раз у меня обострение случилось с позвоночником, оформил я академический на год, набрал книжек по психологии, по разным восточным наукам, стал читать. Тогда я очень своему одиночеству радовался. Ведь человек может все. Главное сосредоточиться. Но как уйти от повседневной жизни? А жизнь – это течение: выбраться на берег сложно, а плыть и еще что-нибудь делать еще сложнее. Утонешь. А меня сама судьба на берег выбросила. Начал я тренироваться.

– С трудом себе представляю, – заметил я. – Как можно тренироваться в исполнении своих желаний?

– А вы напрасно смеетесь, – ответил Алексей. – Это очень просто. Главное, чтобы желания были простые в начале. Через некоторое время я добивался того, чтобы у меня повышалась температура какой-нибудь части тела. Внушал, что руке горячо, и ей становилось горячо. Внушал, что у меня спина мерзнет, и в теплом жилище спина моя мурашками покрывалась. Представлял себе какую-нибудь светящуюся сферу или шар и прогонял ее по всем своим сосудам и чувствовал, как она движется по телу.

– И как же это вам помогло?

– Очень просто. Точнее, не очень просто. Позвоночник-то я себе так и не вылечил тогда, слишком серьезно у меня с позвоночником было. А лысеть я перестал. И с позвоночником я бы разобрался со временем, но это психическое управление регенерацией, времени на это, думаю, десятилетия нужны, а тогда у меня более интересные темы появились.

– И все-таки как вы вылечили облысение?

– Всего лишь кровь. Самое главное лекарство в нашем теле. После того как я научился управлять притоком крови по сосудам, всего-то и надо было – восстановить снабжение кровью теменной части головы. Луковицы волосные ожили, и все наладилось. Я и по поводу спины таким же образом облегчение получал, только вылечить не мог.

– И отчего бы вам не затратить еще двадцать лет, чтобы овладеть регенерацией и вылечить позвоночник?

– Что наше тело? Временное вместилище божественной сущности? Случайное скопление измененного вещества? Вы считаете, что оно заслуживает нескольких дополнительных лет жизни, когда нечто более непостижимое и важное стоит перед нами?

– Все авторитеты в области управления жизнью, специалисты маркетинга утверждают, что здоровье – это самое главное.

– Какие они специалисты? Они тренеры по плаванию в реке жизни. Зачем их обучение сидящему на берегу? Вы слушайте и тогда, думаю, поймете. Я вылечил облысение, уменьшил боли в позвоночнике, но я не вернулся в училище. Я увлекся.

– Чем же?

– Тайной личности. Загадкой своего «я». Одной из миллиардов загадок, но от этого не менее непостижимой.

– В чем же эта загадка?

Алексей замолчал, тяжело привстал и сел.

– Хочется полежать, но говорить легче сидя, – сказал он. – Я могу попросить у вас еще чаю?

– Конечно, – ответил я.

22

Я стал готовить чай, иногда поглядывая в комнату. Алексей опять опустился на бок и лежал неподвижно, и мне казалось, что он уснул. Поэтому я вошел в комнату неслышно и постарался не шуметь, расставляя чашки. Алексей не спал. Он открыл глаза и снова тяжело сел.

– Весь секрет в том, что мы слишком сильно привязаны к этой реальности. Наш мозг – это не окошко, открывающееся из другого мира, а тяжелый якорь, не позволяющий парить в мировом эфире.... Но это поэзия. А реальность.... Вот какова реальность. Слышали ли вы о некоторых случаях, которые стали всемирно известны, но так и не были объяснены?

– Что вы имеете в виду?

– Многое. Женщина получила сильное сотрясение мозга, а когда пришла в себя, обнаружило, что она теперь говорит только по-испански, причем на диалекте, который был в ходу лет двести назад. Ни она, ни ее родные, никто из известных ей ее предков никогда не были в Испании и не знали ни одного слова по-испански. Маленький мальчик, родившийся в индийской деревне, едва научившись говорить, утверждает, что несколько лет назад, еще до своего рождения, он жил в некотором расстоянии от этого места, а затем умер. Он достоверно описывает эту деревню и даже называет имена своих родственников. Все это проверяется, находится жена этого умершего человека, и она все подтверждает. Французский бухгалтер переносит тяжелую болезнь и в бреду считает себя морским пиратом, оперируя древними названиями такелажа, географическими терминами и историческими датами. Этот бухгалтер никогда не видел моря и не любил читать книг. Выздоровев, он ничего не помнит. Этого достаточно, чтобы вы уверовали в близость таинственного, или мне продолжать дальше?

– Вы как гипнотизер, в самом деле, – улыбаюсь я. – Перечисляете эти таинственные случаи, чтобы ввести меня в экстатический транс? Пусть. Пусть все это так. Ну и что с того? И я мог бы добавить что-то. Нострадамус, летающие тарелки, Атлантида, привидения, левитация, ясновидение. Но нам-то какое до этого дело?

– Вот-вот, – сказал Алексей.

Он опять сел и взял в руки чашку.

– Вот-вот. Именно так мы и рассуждаем. А еще чаще не верим ни во что. Или говорим: переселение душ, единое поле, теория высшего разума или высшей пустоты, оставляя пустые слова всего лишь пустыми словами. Мы запускаем жалкие механические приспособления в космос, в толщу океана, мы, как подкожные клещи, бурым и уродуем кожный покров гигантского существа – нашей планеты – и не можем понять, что величайшая загадка и отгадка и ключ ко всему здесь! – Алексей поставил чашку и постучал себя по лбу.

– Ну и что же? – я повторил его жест. – Удалось вам разгадать загадку, которая здесь?

– Смеетесь? – Алексей устало усмехнулся. – Смейтесь. Я читал вашу повесть, поэтому обидеть вы меня не сможете. Нет. Конечно, не разгадал. Но я воспользовался.

– Чем же?

– Не знаю, – пожал плечами Алексей, – но я воспользовался. Вначале это было просто. Я стал исследовать себя. Вот что это?

Он взял в руки чайную ложечку и начал покачивать ею над столом.

– Что это?

– Это? Очевидно, это чайная ложечка.

– Нет. Оценивайте предметы по их действию.

– Маятник?

– Да. Действительно. Это маятник. Хотя это условность. Один из способов исследовать самого себя. Хотя маятник и не нужен. Это механический способ. Знаете, есть такие картинки. Смотришь – ничего. Какой-то узор или однородное поле. Но если посмотреть особым обра-

зом, изменить угол зрения, фокусировку, то вдруг обнаруживаются какие-то фигуры, которых обычным зрением увидеть невозможно.

– Я знаю, рассматривал.

– Ну, вот. Наш разум чем-то похож на это. Сначала вы сосредоточиваетесь и отключаетесь от всех внешних раздражителей. Берете этот маятник или ничего не берете и прислушиваетесь к самому себе. Погружаетесь внутрь себя. Разговариваете сами с собой. Или точнее молчите сами с собой, отключаясь от всех мыслей. И постепенно обнаруживаете, что ваше «я» состоит из нескольких слоев, составляющих, подсознаний. Как пирожное Наполеон. И эти слои отличаются от вас. Они способны давать самостоятельные ответы на заданные им вопросы. Они способны вспомнить что-то, что вы давно уже забыли. Они помнят каждый миг вашей жизни и, может быть, больше. Они могут пугаться чего-то, что не пугает вас. Совершать поступки, которых вы никогда не совершите. Именно эти слои руководят вашими действиями в экстремальных ситуациях. Они источники паники, ужаса, ночных страхов и, в то же время подвигов или ваших внезапных и необыкновенных физических возможностей. Я многое узнал, путешествуя внутрь себя.

– И к чему же привели вас эти путешествия?

– Ни к чему, – Алексей поставил чашку и снова откинулся на спинку дивана. – Заяц в состоянии ужаса может упасть на спину и разорвать лапами брюхо лисице. Но стоит обычным инстинктам вернуться в его голову, как он, конечно же, предпочтет удрать. Вот если бы подсознанием можно было бы управлять...

– И вы попытались это сделать?

Алексей расстегнул рубашку и нащупал шрам.

– Видите это?

– Да, – ответил я и отчетливо вспомнил девушку в метро с точно таким же шрамом.

– Меня били, – сказал Алексей. – Я жил в обычном доме, в обычном городе, в обычной стране, которая равнодушна к своим детям. Мне было всего восемнадцать. Мальчишка, в сущности. Я выходил из дома редко. Раз в три или четыре дня. Только чтобы дойти до ближайшей сберкассы, снять небольшую сумму с книжки и купить продукты. Они подкарауливали и били меня.

– Кто они?

– Кто? – Алексей задумался на секунду. – Обычные мальчишки. Подростки. Парни моего возраста. По-своему, может быть, неплохие ребята. Просто их подсознание бурлило. Они что-то чувствовали. Они били меня, как чужого. Знаете, среди животных бывает нечто подобное. Вороны объединяются и изгоняют, а то и убивают ворону-альбиноса только потому, что она не такая. С этим можно было бы смириться, но это не могло продолжаться бесконечно. Да и больно же было, в конце концов. Я уже не говорю об унижении.

– И что же вы сделали? – спросил я.

– Вначале ничего. Старался выходить из дома тогда, когда их не было во дворе. Но это плохо помогало. Всем как-то не было до этого никакого дела, никто не мог или не хотел мне помочь, все взрослые предпочитали этого не замечать. Однажды, чувствуя свою безнаказанность, они даже бросили камень мне в окно. И тогда я...

Он замолчал.

– И тогда вы... – продолжил за него я.

– Я знал, что сам не смогу с ними справиться. В долгие часы, когда медитировал, погружался в глубины подсознания, я мечтал о мести. И еще о друге. Мне самому не хотелось меняться. Мне хотелось, чтобы был кто-то сильный, с большими руками, который расшвыряет этих подонков по подъезду и не даст им глумиться надо мной. Я летал в небесах фантазии. Я придумал ему имя, историю, всю его жизнь. Я наделил его внушительными бицепсами, добрыми глазами, беспощадным, отчаянным и неустрашимым характером, мгновенной реакцией

и абсолютно здоровым телом. В своих фантазиях, конечно. Я даже беседовал со своим подсознанием, как с ним. И он отвечал на мои вопросы. Мы общались долго. Полгода. Пока он не вырвался наружу.

– То есть? – не понял я.

– Он вырвался наружу. Скорее всего, тогда его еще не было. Был какой-то контур будущей личности. Они постепенно становятся... людьми. Но они стремительно прогрессируют. Меня крепко побили. Я вошел в квартиру, умылся, с трудом остановив кровь из разбитого носа. Переоделся и сел за стол. Мучительно болела спина. Наверное, я медитировал. Потом все происходило как во сне. Я встал. Вышел из квартиры. Спустился вниз и увидел своих обидчиков. Они пили пиво и что-то брэнчали на расстроенной гитаре. Мое появление их удивило. Только это удивление длилось недолго. Я сразу начал их бить. Точнее, не я... Я смотрел.... Это было упоение мстостью. Я швырял их об стены. Я разбил об их головы гитару. Хорошо, что я никого не убил тогда. Один из них разбил бутылку и ткнул меня сюда, в горло. Я очнулся в больнице.

– И что?

– И все. Больше меня не трогали.

23

Что удивительного происходило со мной в жизни? До того момента, пока я не заметил этот непонятный калейдоскоп подозрительных личностей в соседней квартире и на моем диване не оказался странный человек со своим сумасшедшим рассказом? Ничего. Если не считать того, что иногда показывают по телевидению, ничего. Со мной лично ничего экстраординарного никогда не происходило. И с моими друзьями ничего не происходило. И с друзьями моих друзей никогда ничего не происходило. Все те нелепости, которые нас иногда преследуют, как прилипчивые мухи, в конечном итоге объясняются банальными причинами. Все экстремальное и необъяснимое происходит где-то и с кем-то, но не здесь и не с нами. Или эта планета настолько перенаселена, что все диковинные ростки давно уже вытоптаны безжалостными стадами? Ну, вот же! Вот он, живой очевидец, который выжал из своего мозга что-то, что загоняет его в тупик, который странным образом совпал с этим диваном в моей холостяцкой квартире. И он продолжает рассказ, похожий на что угодно, только не на правду.

– И все. Больше меня не трогали.

– Почему?

– Так... Решили, что я псих. Наверное, со стороны это действительно было похоже на явление бесноватого. Для меня это уже не имело значения. Я вернулся из больницы не один. Внутри меня жил защитник. Но странным образом от его присутствия мое одиночество не исчезло! Словно он существовал где-то за гранью. И прилетал только тогда, когда я звал его. Он был вне меня и моего мира. И в то же время частью меня... А потом он попросил дать ему возможность выйти в город. И я его выпустил.

– Как это выпустил?

– Просто. Во время медитации я позволил ему управлять телом. Вся разница была в том, что первый раз я сделал это непроизвольно, а второй – сознательно. И мне это понравилось. Это выглядело так, будто я смотрел на окружающий мир из иллюминаторов таинственного корабля. Будто я на все смотрел его глазами. Он делал все, что хотел. Он шел в такие места, в какие никогда бы не пошел я. Он ничего не боялся. И я упивался этой его смелостью. А в тот момент, когда он решил, что достаточно исследовал мой город, я взял тело в свои руки. И он опять исчез за гранью.

– И какие ощущения вы при этом испытывали?

– Никаких. Я владел ситуацией полностью. Когда я проанализировал ощущения, понял, что мне это нравится. Если не считать крайней усталости, как будто все резервы организма были мобилизованы на краткий период, ощущения были прекрасны, необычны, свежи. И, главное, становясь на какое-то время им, я не чувствовал постоянно преследующей меня боли. Короче, через два года нас вместе со мною было уже пятеро, а когда я переехал в Москву, появилась даже женщина...

– Зачем?

– Женщина?

– Нет. Все эти ... люди.

– Наверное, я увлекся. Впрочем, все имело какой-то смысл. После этого... бандита или моего защитника, который потом стал бандитом, появился... маклер. Кстати, у всех у них были и есть имена. Но я не могу их назвать, это может спровоцировать... Маклер был создан из чистого эксперимента. Я сделал полную противоположность самому себе. Противоположность во всем. Мне захотелось воплотиться в шкуре мелкого, подлого, хитрого и изворотливого человека. И я воплотился. Мне это не понравилось. Какой-то вакуум образовался в душе. И, хотя стоило больших трудов вылепить этого персонажа, я почти не общался с ним. Кстати, сейчас я в его одежде.

– Я вижу, – сказал я. – А дальше?

– Дальше? Дальше появился бизнесмен, которого я называю управляющим банка, потому что он действительно управляющий банка. Сейчас у него проблемы, – Алексей засмеялся, – он должен быть на работе, а я завладел телом и лежу на вашем диване. Он очень мне нравился. Я придумал ему безупречную биографию. Я сделал его стремительно взрослеющим вундеркиндом, нацеленным на успех. Правда, это отразилось в нем в виде некоторой внутренней безжалостности, но с лихвой компенсировалось успехами. Деньги мои уже кончились. Именно благодаря этому бизнесмену я смог купить квартиру в Москве, а затем и еще, и еще. Я даже воровал у него деньги. Кстати эта квартира, которая мне нравится больше других, была третьей.

– Но как вам это удалось?

– Ему удалось.... Ему везло в бизнесе. Он чувствовал удачу и не выпускал ее. Я был свидетелем этого. Как вы понимаете, ему я одалживал тело чаще всего.

– А вы не боялись, что однажды ваше тело вам не вернут?

Алексей замолчал, закрыл глаза, потом открыл их и показал мне лицевую сторону картонки. На ней крупными буквами было написано одно слово: «Минус».

24

И опять незримая рука бросает кости судьбы, заставляя одних из нас радоваться непонятному везению, а других возмущаться тем, что мы называем превратностями. Незримые руки сплетают невидимые власяницы, в которые должны одеться души, отрываясь от истерзанных тел. Невидимые глаза следят за каждым шагом, чтобы, как в компьютерной игре, время от времени подводить к заветным дверям, за которыми новый уровень. Или зажечь перед глазами окончательное: “game over”. Или ни зажечь ничего.

– Что это? – спросил я.

– Это? – рассмеялся Алексей. – Это слово. Это всего лишь слово. И звучит оно так, как и написано. Минус. Ми-нус. И еще раз. Ми – нус. Эм. И. Эн. У. Эс.

Он повторил это слово несколько раз и, не удержавшись, закатился кашляющим смехом, который сотрясал его жалкое тело и казался прилепленным к лицу.

– Что это? – повторил я вопрос.

– Это ключ, – наконец успокоился Алексей. – Ключ, код моей безопасности. Неужели вы думаете, что, отдавая свое тело кому-то или чему-то, слепленному из моего собственного подсознания или чего-то неведомого, я не предполагал, что это тело мне не захотят вернуть? Чего это я должен был разбрасываться телами? Тело-то было всего одно, а нас уже шесть!

– И как же работает этот ключ?

– Очень просто, – усмехнулся Алексей. – Стоит мне произнести это слово, и все проходит. Я опять становлюсь самим собой. Так я запрограммировал их. Но даже и этого мне показалось недостаточно. Я написал это слово на картонках и облепил им стены во всех квартирах, где бы я ни жил. Кто бы ни владел моим телом в данный момент, стоило ему вернуться домой, он видел это слово, и я опять становился самим собой.

– Насколько я понял, – сказал я, – ваши герои были запрограммированы на звучание этого слова либо на его визуальный образ. Представлять слово они могли беспрепятственно. В чем же проблема? Почему вы носите с собой эту картонку?

– Я бы не называл их героями, – сказал Алексей, – и я не просто так ношу с собой эту картонку. Проблема в том, что ключ больше не абсолютен. Они становятся или уже стали сильнее меня. Если кто-то из них овладевает телом, я никак не могу это прекратить, потому что я больше не присутствую при этом.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я больше не контролирую, что они видят моими глазами. Я ничего не слышу и ничего не чувствую. Я проваливаюсь в страшные места. В те места, в которых существовали они. Я даже думаю теперь, что каждый из нас носит внутри себя собственный кусочек преисподней. Я не могу вам рассказать, что это такое. У меня нет для этого слов. Чтобы это описать, не хватит даже вашего таланта. Если это действительно ад, то, скорее всего, после смерти мы сворачиваемся внутрь себя, как черные дыры, и исчезаем навсегда. Теперь, побывав там, я понял, что им, моим созданиям, есть, за что меня ненавидеть. Ведь это я их там поселил.

– Но как же? – удивился я. – Как же так? Ведь вы здесь? Как вы выбираетесь оттуда?

– Выбираюсь? – Алексей устало усмехнулся. – Их слишком много. Они уже могут договариваться, но порою еще спорят из-за тела. И во время этих споров мне удается всплыть наверх.

– Так и оставайтесь наверху! – воскликнул я.

– Оставаться? – Алексей закрыл глаза и погладил рукой по картонке. – Если бы я мог выжечь это слово на внутренней стороне своих век или в своих снах, я бы ничего не боялся. Но я человек, и я иногда должен спать. Я засыпаю, а просыпаюсь всегда там. В своем собственном персональном аду. А оттуда меня не услышит никто.

– И что же вы собираетесь делать?

– Просить вас о помощи.

– В чем она будет заключаться?

– Мне нужно некоторое время, – объяснил Алексей. – Может быть, я смогу справиться с ними. Или убью их как-то. Ну, не могу же я сам себя связывать перед каждым превращением? Они уже научились не открывать глаза, овладевая телом. Они сразу же затыкают уши. Помогите. Всего-то и нужно: наручники, батарея, и это спасительное слово у вас на губах.

Он замолчал. Проблеск надежды мелькнул у него в глазах и тут же погас. Я не сказал ни одного слова, а он все понял. Зачем мне тут, в моей квартире, сумасшедший, прикованный наружниками к батарее? Во что превратится моя жизнь, если весь этот бред, который он мне только что изложил, окажется правдой хотя бы на сотую часть?

– Вы считаете меня сумасшедшим? – спросил он.

Я не ответил.

– Курите? – спросил я его.

– Нет, – ответил он, – бандит и маклер курят.

– Почему маклер? – спросил я.

– Одно время занимался спекуляцией квартирами. Довольно успешно.

– А документы? Ведь насколько я понимаю, у всех у них разные имена?

– Нет проблем. Сначала это делал мой первенец, теперь бизнесмен. Это просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.